

Romantic
Fantasy

БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ДВОР

РАЙЧЕЛ МИД

Блистательный Двор

Райчел Мид

Блистательный Двор

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Мид Р.

Блистательный Двор / Р. Мид — «Эксмо»,
2016 — (Блистательный Двор)

ISBN 978-5-04-088881-8

Семнадцатилетняя сирота графиня Элизабет принадлежит к древнему, но обедневшему роду и, конечно, не хочет выходить замуж за нудного богатого кузена. И когда Элизабет выпадает шанс изменить жизнь, она хватается за него и меняется местами с горничной Адой. Ведь простушке Аде представилась возможность попасть в Блистательный Двор, где сбываются мечты неимущих красоток. Юных девиц вербуют, дабы отправить в загадочную заморскую Адорию, где они смогут стать женами эмигрантов-нуворишей. Но главной героине все нипочем: теперь она зовется Аделаидой и не собирается оглядываться назад. Попутно наша самозванка успевает влюбиться в сына хозяина Блистательного Двора и обзавестись парой подруг. Ее избранник Седрик – обаятельный тайный бунтарь и, страшно сказать, еретик, которого могут казнить в любой момент! После долгих месяцев муштры два корабля с невестами-жемчужинами и другими ценными товарами отплывают в Адорию. И вот тут-то начинаются приключения! Коварный сын губернатора, местные «дикари», пираты, золотая лихорадка и неожиданные сюрпризы прилагаются! Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-088881-8

© Мид Р., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	52
Глава 7	61
Глава 8	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Райчел Мид Блистательный Двор

Richelle Mead

THE GLITTERING COURT

© Т. Черезова, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Джей, похоже, я разгадала шифр

Глава 1

Никогда не собиралась красть чью-то жизнь.

И правда: на первый взгляд никто бы не подумал, что с моей жизнью что-то не так. Я могла похвастаться здоровьем и юностью. Мне нравилось считать себя умной. Я принадлежала к одному из старейших родов Осфрида: мы могли проследить свои корни вплоть до отцов – основателей нашей страны. Конечно, мой титул мог бы считаться еще более престижным, не испарись наше семейное состояние, но это было вполне поправимо. Мне просто следовало удачно выйти замуж.

Вот тут-то для меня все и началось.

В целом аристократы восхищались мной как потомком Руперта, первого графа Ротфордского, великого героя Осфрида. Много веков тому назад Руперт отнял эти земли у дикарей, создав тем самым великую нацию, к которой сегодня мы счастливы были принадлежать. Однако нашлось бы совсем немного аристократов, которые смогли бы искренне восхищаться моими скудными средствами, да еще в наши суматошные дни. Другие семьи тоже отчаянно пытались справиться со своими финансовыми проблемами, и чье-то хорошенькое личико вкупе с высоким титулом уже лишилось былой привлекательности, которую имело в прежние времена.

Мне требовалось чудо, причем срочно.

– Милочка, случилось чудо!

Я взирала на бархатные узоры обоев бального зала, а в голове у меня роились мрачные мысли. Заморгав, я вернулась в реальность – на очередной шумный прием – и посмотрела на бабушку, которая стояла передо мной. Хотя ее лицо испещряли морщины, а волосы были седыми, все неизменно отмечали, что леди Элис Уитмор – невероятно привлекательная женщина. Я была с ними согласна, хотя с грустью отмечала, что бабушка стремительно постарела после того, как умерли мои родители.

Зато сейчас глаза у нее лучились и сияли так, как я уже давно не видела.

– Что за чудо, бабушка?

– Дорогая, нам сделали предложение. Да-да! И он соответствует всем нашим критериям. Надежда снова посетит наш дом! Он молод. С неплохим состоянием. И его род не уступает в знатности нашему.

Последнее утверждение стало для меня неожиданностью. С родом благословенного Руперта сравняться было ой как непросто.

– Ты уверена?

– Да! Он твой... кузен.

Я редко лишаюсь дара речи, но бабушка поставила меня в тупик. Сперва я не могла вспомнить никого, кроме моего двоюродного брата Питера. Он вдвое старше меня и женат. По законам Осфрида именно ему предстояло унаследовать титул Ротфордов, если я, конечно, соизволю умереть бездетной. Приезжая в столицу, он обязательно навещал нас и всегда уточнял, как я себя чувствую.

– Который? – уточнила я, чуть успокаиваясь.

Слово «кузен» порой использовалось весьма свободно: пробежавшись по фамильному древу, можно было обнаружить, что половина осфридской аристократии оказывалась в родстве с другой половиной. Наверняка бабушка имела в виду кого-то еще.

– Лионель Белшир, барон Эшби.

Я покачала головой. Я не знала никакого Эшби.

Бабушка взяла меня под руку и повела в противоположную сторону зала, пробираясь в толпе самых влиятельных персон нашей столицы. Они были облачены в шелка и бархат,

расшитые жемчугами и драгоценными камнями. Вереница хрустальных люстр над нашими головами ослепительно сияла: можно было предположить, что хозяева особняка решили соперничать со звездами. Такова жизнь аристократов Осфрида.

– Мы с его бабушкой входили в круг приближенных герцогини Сэмфордской. Он обычный барон. – Бабушка склонила ко мне голову и понизила голос.

Я обратила внимание на ее жемчужный убор: неплохой, но вышедший из моды пару лет тому назад. Бабушка тратила все наши деньги на то, чтобы наряжать меня должным образом.

– Но его род весьма достойный. Семья Лионеля восходит к одному из младших сыновей Руперта, хотя с этим связан скандал: вроде бы Руперт на самом деле не был его отцом. Но его матушка – из старого аристократического рода, поэтому в любом случае нам можно не волноваться.

Пока я переваривала услышанное, мы успели подойти к высокому стрельчатому окну с видом на Арлингтон-грин. Возле него стоял молодой человек и незнакомая мне женщина, примерно ровесница моей бабушки. Парочка о чем-то негромко беседовала, но при виде нас и юноша, и его спутница оборвали разговор и с любопытством уставились на меня.

Бабушка улыбнулась.

– Моя внучка, графиня Ротфордская. Милая, позволь представить тебе барона Белшира и его бабушку, леди Доротею.

Лионель поклонился и поцеловал мою руку, а его бабушка присела в реверансе. Ее почтительность показалась мне напускной: леди Доротея буквально прошила меня колючим взглядом. Если бы приличия позволяли, она бы, наверное, и зубы мои осмотрела безо всякого стеснения.

Когда Лионель выпрямился, я внимательно посмотрела на него. Оценивать-то мне следовало именно потенциального жениха, а не леди Доротею.

– Графиня, счастлив с вами познакомиться! – буквально запел он. – Жаль, что этого не произошло раньше, учитывая наше родство. Потомки лорда Руперта, сами понимаете...

Краем глаза я заметила, как моя бабушка скептически выгнула бровь.

Я адресовала Лионелю скромную улыбку: не настолько почтительную, чтобы она понизила меня, но такую, чтобы он решил, будто его любезность выбила меня из колеи. Но если говорить начистоту, то его галантность, конечно, была под вопросом. Увы, можно было предположить, что она являлась его единственным козырем! Лицо у Лионеля оказалось вытянутым и заостренным, кожа имела нездоровую бледность. Странно, но у него даже не зарумянились щеки, хотя в бальном зале, переполненном людьми, было чересчур жарко! Узкие плечи Лионеля сутулились, создавая впечатление, будто он готов сложиться пополам. Однако все это не имело значения. Важны были исключительно матримониальные соображения. Я никогда не рассчитывала выйти замуж по любви.

– Вы правы, нам, конечно, следовало бы познакомиться пораньше, – милостиво согласилась я. – Полагаю, стоило бы учредить регулярные встречи в честь нашего славного предка Руперта. Мы бы собирались вместе и устраивали пикник на лужайке. И мы бы бегали наперегонки, как принято у сельских жителей. Думаю, я бы не запуталась в юбках!

Барон устремил на меня немигающий взгляд и почесал запястье.

– Потомки графа Руперта рассеяны по всему Осфриду: вряд ли подобное собрание удалось бы организовать. И участвовать в беге наперегонки не подобает аристократам. Я и своим арендаторам не позволяю столь пустые развлечения. Великий бог Урос не для того даровал нам ноги. А думать иначе – просто отвратительно. – Он помолчал и добавил: – Жмурки я тоже не одобряю.

– Полностью разделяю ваше мнение, – проворковала я, не позволяя улыбке исчезнуть с моих губ.

Моя бабушка откашлялась.

– Барон выращивает ячмень, – заявила она с натужной жизнерадостностью. – Он очень преуспел в этом деле и уже добился огромного успеха.

Лионель поскреб свое левое ухо.

– Мои арендаторы почти восемьдесят процентов моих угодий отвели под ячменные поля. Недавно мы приобрели новое поместье, и теперь все мои земли дают прекрасный урожай. Ячмень, куда только ни бросишь взгляд... Многие и многие акры вокруг!.. Я приказал, чтобы мои слуги в обоих поместьях ели ячменную кашу по утрам. Для поднятия духа, если так можно выразиться.

– Как же у вас много ячменя, – пролепетала я и мысленно пожалела арендаторов барона. – Я надеюсь, что вы иногда слегка балуете своих слуг. Как насчет овса или ржаной каши... если на экзотику тянет?

На лицо барона вновь вернулось изумленное выражение, и он принялся терзать свое правое ухо.

– Зачем? Ячмень – источник нашего благосостояния. Моим людям полезно об этом помнить. Я и сам придерживаюсь данного правила и даже более строго: я слежу, чтобы во всех моих трапезах присутствовала изрядная порция ячменя. Я подаю своим слугам хороший пример.

– Вы по-настоящему к ним благосклонны! – воскликнула я и устремила взгляд на окно у него за спиной, прикидывая, нельзя ли из него выпрыгнуть.

Наступила неловкая пауза.

– Кстати, о поместьях, – нарушила молчание леди Доротея. – Если я не ошибаюсь, совсем недавно вы продали свое последнее загородное имение.

Вот оно: напоминание о нашем финансовом положении. Бабушка поспешила встать на защиту нашей семейной чести.

– Мы им не пользовались. – Она вскинула подбородок. – Я не настолько глупа, чтобы тратить деньги на пустой дом и арендаторов, которые без надзора обленились. Наш городской особняк здесь, в столице, гораздо уютнее, и в нем мы близки ко всем светским развлечениям. Между прочим, нынешней зимой нас три раза приглашали ко двору.

– Три раза! – пренебрежительно повторила леди Доротея. – Но ведь летом в столице, безусловно, скучно. Особенно когда аристократы разъезжаются в свои загородные владения. Когда ты выйдешь замуж за Лионеля, то будешь жить в его нортширском поместье – где живу я. Обещаю, что ты не станешь ни в чем нуждаться. И сможешь планировать сколько угодно светских мероприятий. Под моим пристальным наблюдением, естественно. Тебе предоставляется исключительный шанс! Я не хочу никого обидеть, графиня! Леди Элис, вы столь умны и проникательны, что никто, вероятно, и не догадывается о вашем реальном положении. Но уверена, что в данных обстоятельствах возможность устроить судьбу вашей внучки принесет вам обоим облегчение.

– У меня сразу же улучшатся жизненные обстоятельства, а барон получит другой титул – более высокий, – тихо отметила я.

Во время нашего разговора Лионель скреб сначала лоб, потом – внутреннюю сторону предплечья. Второй заход затянулся довольно надолго, и я с трудом удержалась, чтобы не глазеть на такое неучтивое действие. Что с ним? Почему у Лионеля сильный зуд? И почему он распространяется по всему телу? Никакой сыпи я вроде бы не заметила. Хуже того – чем пристальней я смотрела на Лионеля, тем сильнее мне самой хотелось почесаться. В итоге я стиснула кулаки и постаралась отвлечься.

Мучительный разговор длился еще несколько минут: леди Доротея и моя бабушка уже строили планы относительно свадьбы, которая, очевидно, была не за горами. Лионель про-

должал чесаться. Когда мы, наконец, покинули новоявленного жениха и леди Доротею, я выждала секунд тридцать и выразила бабушке свое мнение.

– Нет, – заявила я.

– Ш-ш!

Она улыбалась разным гостям, направляясь вместе со мной к дверям. Когда мы очутились в вестибюле, бабушка обратилась к какому-то лакею, чтобы он проводил нас до нашей кареты.

Я помалкивала, пока мы благополучно не остались в экипаже одни.

– Нет, – повторила я, откидываясь на спинку плюшевого сиденья. – Нет, ни за что!

– Не драматизируй.

– А я и не драматизирую. Я сохраняю здравый рассудок. Не могу поверить, что ты приняла предложение барона, не посоветовавшись со мной.

– Мне было трудно сделать выбор между ним и множеством других кандидатов, – сказала она и спокойно встретила мой возмущенный взгляд. – Да, милочка, ты здесь не единственная можешь дерзить. Но зато ты – единственная, кто сумеет спасти нас от катастрофы.

– И кто теперь драматизирует? Ладно, леди Брэнсон тоже сделает тебе выгодное предложение, и ты сможешь жить в особняке ее дочери столько времени, сколько тебе вздумается. Уверена, тебе там понравится, – ядовито произнесла я.

– А что будет с тобой, дорогая?

– Не знаю. Найду кого-нибудь еще, – буркнула я и начала перебирать в уме кавалеров, с которыми я успела сегодня познакомиться. – Как насчет торговца, который был на приеме? Дональда Кросби? Я слышала, он сколотил немалое состояние.

– Фу! – Бабушка потерла виски. – Пожалуйста, прекрати болтать о нуворишах. Ты же знаешь, что у меня от этого начинается мигрень.

Я фыркнула.

– А чем он плох? Кросби процветает. И он смеется моим шуткам, чего не скажешь о Лионеле.

– Ты прекрасно понимаешь, почему я не одобряю мистера Кросби. Ему не место на званом вечере аристократов! И о чем только думал лорд Гилмен! – Бабушка поджала губы и передернула плечами: особо крупная выбоина на дороге заставила нашу карету накрениваться. – И не забывай о твоём великом предке Руперте! Как бы он отнесся к твоему намерению смешать его кровь с простонародьем?

Я застонала. С некоторых пор ни один наш разговор не обходился без упоминания о Руперте.

– По-моему, тот, кто последовал за своим сюзереном через пролив, чтобы создать империю, придавал огромное значение своей чести, – парировала я. – Я-то помню про Руперта, и не собираюсь продаваться занудному кузену и его тиранической бабке. Ты обратила внимание на то, как она буравила меня своим взглядом? Кстати, сколько раз она повторила это свое «под моим пристальным наблюдением»?.. Нет уж, с меня хватит! Вдобавок у барона чесотка или нервный зуд!

Бабушка устало вздохнула.

– Ты считаешь себя единственной девушкой, которую выдадут замуж по расчету? Ты – далеко не первая барышня, выказывающая свое недовольство. Романы и баллады повествуют о девицах, попавших в столь же печальную ситуацию: они в конце концов вырываются на свободу к блестящему будущему и обретают счастье... Но это – наивные фантазии, дорогая. В реальности большинство девушек в твоей ситуации смиряются и терпят. У тебя нет выбора, поверь мне. Нам всегда приходится платить по счетам. Таков этот мир. В общем, положение обязывает.

– Мои родители не заставили бы меня терпеть и смиряться, – проворчала я.

Бабушка жестко посмотрела на меня.

– Твои родители и их авантюры стали причиной нашего финансового краха. У нас кончились деньги. Продажа поместья Бентли позволила нам продолжить прежнюю жизнь. Однако скоро все изменится, а результат тебе точно не понравится. – Я насупилась, и она добавила: – Люди будут принимать за тебя решения всю твою жизнь. Привыкай.

Наш дом находился в другом (не менее престижном) районе города. Когда экипаж подъехал к особняку, слуги уже ожидали нас у дверей. Они поспешно спустились с крыльца, помогли нам выйти из кареты и приняли наши накидки и шали. У меня была своя стайка горничных: девушки последовали за мной в апартаменты, чтобы снять с меня парадный наряд. Я смотрела, как они бережно разглаживают мое красное бархатное платье с широкими конусообразными рукавами и золотой вышивкой. Его повесили в шкаф к другим бесчисленным роскошным нарядам. Оставшись в одиночестве, я обнаружила, что устала на бюро. Огромная часть нашего стремительно тающего состояния тратилась на одежду, которая якобы должна была помочь мне получить шанс изменить жизнь к лучшему.

И сейчас моя жизнь действительно могла сделать крутой вираж. Но в лучшую ли сторону? Увы, в последнем я сильно сомневалась.

Поэтому я сделала вид, что все это происходит не со мной. Именно так я отнеслась и к смерти своих родителей. Я отказалась поверить в их уход, даже столкнувшись с самым что ни на есть осязаемым доказательством – а именно с их могилами. Не может такого быть, чтобы те, кого ты любишь, те, кто заполняет столь значительную часть твоего сердца, однажды исчезли в мгновение ока! Иногда я с переменным успехом пыталась убедить себя в том, что однажды мать и отец просто появятся в моей комнате... а когда мне не удавалось в это поверить, я просто о них не думала.

А теперь пришел черед Лионеля. Я выбросила жениха из головы и продолжала жить так, как будто на званом вечере вообще ничего не случилось.

Но когда от леди Дороти пришло письмо, я была вынуждена признать существование Лионеля.

Леди Доротея желала назначить дату свадьбы: что ж, вполне ожидаемое намерение. Неожиданностью стало ее распоряжение уменьшить наш штат прислуги вдвое и продать немалую часть наших вещей. «В Нортшире они тебе не понадобятся, – писала леди Доротея. – Прислуга и нужные предметы будут предоставлены тебе, конечно же, под моим пристальным наблюдением».

– Ох, Урос великолепный! – вырвалось у меня, когда я дочитала письмо.

– Не поминай его имя всуе! – одернула меня бабушка. Несмотря на ее замечание, я ощутила, что она напряжена.

Да... ей тоже будет нелегко жить под чужой властью.

– Смотри-ка! Лионель прислал тебе подарок!

«Подарком» оказалась банка фирменных ячменных хлопьев, которые Лионель поглощал каждое утро. В приложенной записке говорилось, что я могу заранее отведать «сей дивный злак и понять, что ожидает меня в будущем». Мне хотелось думать, что барон просто мило шутит, однако я сильно сомневалась в его чувстве юмора.

Бабушка начала рассуждать вслух, как ей следует отобрать прислугу, а я выскочила из комнаты и бросилась наутек. Выбежала из нашего особняка в сад и выскользнула через парадные ворота на улицу, заслужив недоуменный взгляд привратника, который там дежурил.

– Миледи? Я чем-то могу быть вам полезен?

Я махнула рукой, прервав его попытку встать.

– Нет! – бросила я.

Он озибался, не зная, что делать. Привратник никогда не видел, чтобы я выходила на улицу без сопровождения. Это было просто вопиюще: поступать таким образом благородным девушкам не полагалось. Что ж, выходит, я нарушила негласные правила.

Пока привратник остолбенело таращился на меня, я ринулась куда глаза глядят и вскоре смешалась с толпой пешеходов. Конечно, на улице не было представителей благородного сословия. Я натыкалась на слуг, торговцев, курьеров... словом, тех людей, труд которых помогал городским богачам жить припеваючи.

Я влилась в людской поток, совершенно не понимая, что делаю.

Внезапно у меня в голове возникла безумная мысль: не обратиться ли мне к Дональду Кросби? Во время нашего краткого разговора я ему, кажется, приглянулась. А может, мне лучше уехать? Отправиться на континент и очаровать какого-нибудь бельзианского аристократа... Или просто затеряться в толпе, став очередной неприметной девицей, ничем не выделяющейся из множества других.

– Я могу вам помочь, миледи? Ваша прислуга вас потеряла?

Похоже, мои планы испарились, не успев соприкоснуться с реальностью...

Замедлив шаг, я огляделась по сторонам. Надо же, куда меня занесло: я добралась до окраины одного из многочисленных коммерческих районов столицы! Я посмотрела на человека, окликнувшего меня. Им оказался худощавый немолодой мужчина, сгибавшийся под тяжестью свертков, которые он тащил на спине.

– А как вы узнали, что я – леди? – вырвалось у меня.

Он ухмыльнулся, демонстрируя мне щербатые зубы.

– Тут не часто встретишь барышень в такой дорогой одежде.

Подумав, я поняла, что он прав. Сиреневое жаккардовое платье было моим простеньким домашним нарядом, однако даже оно резко выделялось в море тусклой одежды. Правда, я уже заметила пару-тройку аристократов, отправившихся за покупками, однако их окружали внимательные слуги, готовые защитить своих господ от всякой черни.

– Со мной все в порядке, – заявила я, протискиваясь мимо мужчины.

Но далеко мне уйти не удалось: меня опять остановили. На сей раз – румяный парнишка из тех, кто зарабатывает доставкой сообщений.

– Проводить вас домой, миледи? – предложил он. – Три медяка, и я к вашим услугам!

– Нет, мне... – Я не договорила, кое-что сообразив. – У меня нет денег. С собой, – уточнила я.

Парень пожал плечами и собрался уходить.

– погоди! – крикнула я, сняла свой жемужный браслет и протянула ему. – Ты можешь отвести меня в храм великолепного Вайиля?

При виде жемчуга у юноши округлились глаза, но он замялся.

– Это как-то чересчур, миледи. Храм ведь стоит на Кэннингем-стрит.

Я сунула браслет ему в руку.

– Я понятия не имею, где находится Кэннингем-стрит. Отведи меня.

Выяснилось, что идти надо всего три квартала. Я знала главные районы Осфро, но понятия не имела, как между ними перемещаться. Мне не было нужды ориентироваться в столице.

Сегодня службы не было, но церковные двери оставались приоткрытыми, словно приглашали войти внутрь и прихожан, и всех тех, кто нуждался в совете. Я обогнула изящный храм и направилась прямо на кладбище. Миновав могилы, где покоились ничем не примечательные горожане Осфро, я оказалась возле аристократической части кладбища. Ее окружала кованая ограда, за которой высились роскошные памятники и склепы, а не обычные скромные надгробия.

Хоть я и плутала по улицам Осфро, но местоположение семейного склепа на кладбище я забыть уж точно не могла. Мой проводник ждал меня у ограды, а я побрела к каменному строению с надписью «УИТМОР». Наша усыпальница была не самой большой, но я считала ее самой красивой. Мой отец отлично разбирался в искусстве, и после его смерти мы с бабушкой заказали барельефы шести великолепных ангелов на все наружные стены.

Я не имела возможности войти в усыпальницу – для этого надо было предварительно договориться в храме – поэтому молча села на ступеньки. Провела пальцами по именам, выбитым на мраморной доске: лорд Роджер Уитмор, шестнадцатый граф Ротфордский, и леди Амелия Ротфорд. Над ними было высечено имя моего деда: лорд Огастес Уитмор, пятнадцатый граф Ротфордский. Когда-нибудь к нему присоединится его вдова, и тогда склеп будет полон.

«Тебе придется искать свое собственное место», – сказала мне бабушка на похоронах моего отца.

Первой умерла мама: подхватила какую-то болезнь из тех, что свирепствовали в бедных районах города. Мои родители вложили кучу денег в благотворительные учреждения для обездоленных – и быстро заплатились за свою доброту. Летом заболела моя мать, позже пришел черед отца. Их филантропические фонды быстро распались. Кто-то называл моих родителей святыми, остальные сходились во мнении, что они – глупцы.

Я смотрела вверх, на огромную каменную дверь с барельефом, изображавшим великолепного ангела Ариниль, привратника Уроса. Ариниль напоминал мне прекрасную деву. Работа была чудесная, но Ариниль казалась мне самой неинтересной из сонма ангелов. Она всего лишь открывала двери и помогала усталым путникам. Неужели ей самой не хотелось очутиться в другом месте и заняться чем-то иным? Но она смиренно покорила своей участи, пока остальные добивались своих целей, и веками стояла возле дверей. Неужели так было всегда и для людей, и для ангелов? В Писаниях никогда не рассматривались подобные вопросы. Наверное, они считались богохульными.

– Миледи!

Я отвела взгляд от безмятежного мраморного лица и увидела у ограды какое-то движение. Ко мне спешили три мои горничные. А у входа в храм я заметила нашу карету. Меня моментально окружили.

– Ох, миледи, о чем вы только думали! – заверещала Ванесса. – Парнишка позволил себе что-то неподобающее?

– Вы, конечно же, очень замерзли!

Ада набросила мне на плечи теплый плащ.

– Дайте-ка я смахну грязь у вас с подола, – вызвалась Теа.

– Нет-нет! – ответила я. – Я в порядке. Как вы меня нашли?

Они зататорили, перебивая друг друга, но в целом все свелось к тому, что горничные заметили мое исчезновение, допросили привратника, а затем – чуть ли не всех, мимо кого я проходила во время своей вылазки. Очевидно, я произвела впечатление на случайных прохожих.

– Ваша бабушка пока не в курсе, что вы сбежали, – произнесла Ванесса, побуждая меня поторопиться. Она была самая умная из всех трех. – Нам надо поскорее вернуться домой.

Перед уходом я обернулась, чтобы в последний раз взглянуть на ангела и прочесть имена моих родителей. «Беды обязательно будут приходить, – сказал мне отец в тот последний год. – Их невозможно избежать. Наша власть заключается в том, как мы их принимаем. Позволяем им нас раздавить, лишить надежды? Или решительно встречаем невзгоды лицом к лицу и терпим боль? А может, пытаемся их перехитрить?»

Помню, я спросила его тогда, как это – перехитрить беду. «Поймешь, когда придет время. И вот в такой момент тебе нужно будет действовать быстро», – ответил он.

Служанки не переставали беспокоиться, даже когда мы ехали в карете домой.

– Миледи, если вам захотелось погулять и зайти на кладбище, вам следовало обратиться к нам. Мы бы сразу договорились со священником, – сказала Теа.

– Я не подумала, – пробормотала я. Я не собиралась распространяться о том, как из-за письма леди Доротеи едва не получила нервный срыв. – Мне хотелось подышать свежим воздухом. Я решила пройтись.

Они изумленно на меня воззрились.

– Но, миледи! – воскликнула Ада. – Вам нельзя находиться в городе одной! Вам... вам ничего нельзя делать одной.

– А почему? – огрызнулась я и почти не устыдилась, когда она вздрогнула. – Я титулованная особа. Мое имя везде вызывает уважение. Почему мне нельзя свободно ходить где угодно? Делать то, чего мне хочется?

Воцарилась напряженная тишина, которую спустя некоторое время нарушила Ванесса.

– Вы – графиня Ротфордская, миледи! Обладатель такого славного имени не должен находиться в толпе простолюдинов. Такова ваша судьба, миледи... а в этом никто из нас не властен.

Глава 2

После слов Ванессы я поняла, что с этой «бедой» – с Лионелем – я сделала неверный шаг и практически позволила себя раздавить. И прямо в карете я приняла решение, что выберу более благородный, твердый образ действий. Я буду терпеть боль.

В последующие недели я улыбалась, отпускала обычные шуточки и вела себя так, будто наш дом не разваливается. Пока слуги работали и тревожились о своем туманном будущем, я посвящала себя занятиям, приличествующим благородной даме: писала картины и выбирала свадебный наряд. Когда визитеры приезжали к нам с добрыми пожеланиями, я сидела рядом с ними и старательно изображала радость. Не раз я слышала, что мое будущее бракосочетание именуют «удачным союзом». Это напомнило мне о том, как я, шестилетняя, с мамой смотрела на свадебный кортеж принцессы Маргрет.

Принцесса сидела в карете, натянуто улыбалась и кивала своим подданным, а за руку ее держал лорандийский герцог, с которым Маргрет познакомилась всего лишь неделю назад.

– Она какая-то зеленоватая, – сказала я.

– Чепуха! А если тебе повезет, то и ты заключишь не менее удачный союз, – произнесла моя мать.

Будь моя матушка жива, допустила бы она, чтобы ее дочь скоропалительно выдали замуж? Или все сложилось бы по-другому? Возможно. Очень многое сложилось бы иначе, будь мои родители живы.

– Миледи?

Я оторвала взгляд от картины, которую писала: поле с пурпурными и розовыми маками, копия полотна в Национальной галерее, принадлежавшего кисти одного из величайших художников. Передо мной застыл паж. Судя по его тону, он уже давно окликал меня, пока я витала в облаках.

– Да? – отозвалась я.

Ответ прозвучал резче, чем мне хотелось. Сегодня утром я поспорила с бабушкой относительно увольнения моего любимого повара и до сих пор не успокоилась.

Паж поклонился, радуясь, что его наконец заметили.

– У нас с визитом джентльмен. Он... э... заставляет Аду плакать.

Я моргнула, гадая, не послышалось ли мне.

– Извини... что?

Теа с Ванессой сидели на садовых стульях, занятые шитьем. Они тоже оторвались от своего рукоделия, озадаченные не меньше меня.

Паж смущенно помялся.

– Я и сам толком не понимаю, миледи. Вероятно, эту встречу назначила леди Брэнсон: она должна была на ней присутствовать, но задержалась из-за неотложных дел. Я провел джентльмена в западную гостиную и позвал Аду, а когда вернулся их проверить, то Ада уже рыдала, поэтому я пришел сюда, чтобы лично вам обо всем доложить.

– Разумеется!

А я еще думала, что день будет скучный! Камеристки вскочили со стульев, но я велела им оставаться на месте. Идя следом за пажом в глубину дома, я спросила:

– А ты не знаешь, зачем мог явиться этот так называемый джентльмен?

– Насчет нового места, по-моему.

Я ощутила легкий укол вины. Штат начали распускать несколько дней тому назад, и Ада стала первой из моего окружения, кто должен был подвергнуться увольнению. Мне позволят взять с собой лишь одну горничную. Леди Доротея заверила меня, что «под ее

пристальным наблюдением отбирают безупречные кандидатуры», но я не сомневалась, что их главной обязанностью станет шпионаж.

По пути в гостиную я гадала, что стало истинной причиной утренней трагедии. Леди Брэнсон являлась старшей камеристкой моей бабушки. Если бы она нашла Аде новое, личное место, то Ада, конечно же, не впала бы в истерику.

И что стряслось на самом деле?

– Это не были слезы радости? – осведомилась я у пажа на всякий случай.

– Нет, миледи.

Мы вошли в гостиную – и действительно обнаружили там бедняжку Аду. Она скрючилась на софе и рыдала, закрыв лицо ладонями. Мужчина, стоящий ко мне спиной, неловко пытался успокоить девушку похлопыванием по плечу. Я моментально насторожилась: что за чудовище настолько сильно расстроило Аду?

– Леди Уитмор, графиня Ротфордская! – объявил паж.

Это изумило и Аду, и самого джентльмена. Ада отвела ладони от лица, хлюпнула носом, сумела встать и сделать книксен. Мужчина тоже выпрямился и повернулся ко мне. Мои фантазии относительно старого согбенного мошенника мигом испарились.

Но, может, мошенником он и был, откуда мне знать? А в остальном... Его внешность поразила меня. Темно-каштановые волосы, забранные в короткий модный хвост, открывали лицо с точеными чертами и высокими скулами. Глаза у него оказались яркие, синевато-серые, выделявшиеся на фоне загорелой кожи. Такое было не принято среди людей благородного происхождения, но я и без этого легко определила, что он к аристократам не относится.

– Ваша светлость, – произнес мужчина с почтительным поклоном. – Счастлив вас видеть.

Я жестом отпустила пажа и села: то был знак, что все присутствующие в комнате могут немного расслабиться и не стоять на ногах.

– Не могу ответить тем же, вы ведь довели мою горничную до слез.

На его красивом лице промелькнула досада.

– Но я не собирался обижать вашу служанку. Миледи, я удивлен не меньше вас. У меня сложилось впечатление, что леди Брэнсон заранее обговорила с Адой все подробности.

– Да! – воскликнула Ада. Я заметила, что у нее к горлу снова подступают рыдания. – Но когда все улажено, то я... я просто... наверное, не хочу ехать! – выпалила она.

Незнакомец адресовал ей уверенную и отработанную улыбку, и я сразу сообразила – он часто ее использует, чтобы добиваться своих целей.

– Ваша нервозность вполне понятна. Но когда вы увидите, как другие девушки живут при Блистательном Дворе...

– Погодите! – вмешалась я. – Что еще за Блистательный Двор?

Так могли назвать какой-нибудь бордель (что, впрочем, казалось маловероятным, если переговоры о новом месте Ады вела леди Брэнсон).

– Буду счастлив объяснить, миледи. Полагаю, подробности не покажутся вам скучными...

Я смерила его взглядом:

– Поверьте, в данной ситуации я не вижу абсолютно ничего скучного.

Мужчина адресовал свою галантную улыбку мне, несомненно, надеясь, что она подкупит меня так же, как и других. Признаюсь, именно так и получилось.

– Блистательный Двор – это великолепная возможность для столь юных особ, как Ада... возможность, которая преобразит их жизнь...

– Погодите-ка! – прервала я его. – Как вас зовут?

Он встал и снова поклонился.

– Седрик Торн, к вашим услугам.

Никакого титула, но опять-таки это меня не удивило. Чем дольше я его рассматривала, тем больше он меня интриговал. Седрик Торн был облачен в коричневый камзол из тонкой шерсти, чуть расклешенный у колен, не по моде длинный. Коричневый же парчовый жилет поблескивал на свету. Респектабельный, сдержанный наряд мог бы надеть преуспевающий торговец, однако яркая янтарная булавка на шляпе свидетельствовала, что ее владелец не лишен тяги к стильным аксессуарам.

– Миледи? – вежливо произнес он.

Я поняла, что молча таращусь на него, и величественно повела рукой.

– Пожалуйста, продолжите объяснения насчет вашего Блестящего Двора.

– Блистательного, миледи. И, повторяю, это – великолепная возможность для юных особ повысить свой статус. Ада – умненькая и перспективная девушка, а такие барышни нам как раз и нужны.

Я скептически выгнула бровь. Ада всегда казалась мне самой скучной горничной. Однако она хорошо выглядела. А это, как я давно поняла, для большинства мужчин было равнозначно словам «умненькая и перспективная».

А Седрик перешел к явно хорошо отрепетированной речи.

– Блистательный Двор – это пользующееся уважением организация. Ее филиалы есть и в ваших краях, а также за морем. Мой отец и дядя основали Двор десять лет назад, когда узнали, как мало женщин проживает в Адории.

Адория? Вот в чем вся суть! Я едва не подалась вперед, но вовремя опомнилась. Однако теперь я сгорала от любопытства. Адория! Страна, которая лежит за Закатным морем. Одно только название напоминало об увлекательных приключениях. Адория – новый мир, далекий от Осфрида и всего с ним связанного, в том числе и от галерей, театров и роскошно одетой знати.

А здесь мне грозило выйти замуж за страдающего неудержимым зудом кузена...

– Но в Адории масса икорийских женщин, – заметила я, решив вставить реплику.

Седрик расплылся в широченной улыбке, и его глаза замерцали. Неужели ресницы у него длиннее, чем у меня? Какая несправедливость!

– Да, но наши колонисты не хотят брать в жены икорийских дикарок в килтах и пледах. Если говорить честно, многие из наших колонистов не хотят жениться на дикарках, – уточнил он. – Но, наверное, некоторым они нравятся.

Я чуть было не спросила, кто нравится ему самому, но успела напомнить себе, что я – дама с очень высоким положением в обществе.

– Поселенцы Адории ищут мягких, образованных осфридских жен, особенно те мужчины, которые разбогатели в наших краях. Кое-кто отплывал в Адорию, не имея даже запасной одежды, но теперь они добились успеха в качестве дельцов или владельцев плантаций. Они превратились в столпы общества – в очень уважаемых людей. – Седрик раскинул руки: ни дать ни взять актер на сцене. – Им нужны подходящие спутницы жизни, чтобы обзавестись семьей. Его Величество тоже этого желает. Он приказал основать еще пару колоний и расширить уже имеющиеся, но этого весьма проблематично достичь, поскольку соотношение осфридских мужчин и женщин пока остается неутешительным. Сами посудите: три к одному в пользу джентльменов!.. Если женщины все-таки едут в Адорию, то обычно это простые девицы из рабочего класса, да еще и замужние. Новой аристократии хочется чего-то другого.

– Новой аристократии? – переспросила я.

Его рекламная речь меня увлекла. Забавно, на меня воздействовали силой убеждения!

– Да, – подтвердил Седрик. – Так мы называем обычных людей, обретших необыкновенное величие в Новом Свете.

– Что ж, удачное название. Вы его сами придумали?

Похоже, мой вопрос озадачил Седрика.

– Нет, миледи, не я, а мой отец. Он – мастер убеждения и формирования общественного мнения. В гораздо большей степени, чем я.

– В это сложно поверить! Пожалуйста, продолжайте рассказывать про вашу новую аристократию.

Седрик секунду смотрел на меня – и в его взгляде таилось нечто... Расчет или переоценка.

– Итак, нашим свежее испеченным господам не понадобились титул или право рождения, чтобы получить власть и престиж. Они заработали их тяжелым трудом и стали уважаемыми и богатыми гражданами Адории. Но сейчас они действительно нуждаются в подобающе «благородных» супругах. Увы, женщины вашего уровня не рвутся плыть в Адорию, поэтому Блистательный Двор взял на себя обязанность собрать некоторое количество юных девушек, готовых преобразиться. Мы берем под свое крыло хорошеньких девиц вроде Ады – и подготавливаем их к будущему величию, если так можно выразиться.

Седрик усмехнулся, когда упоминал о рвущихся куда-то плыть знатных дамах, как будто это была наша с ним общая шутка. А у меня сжалось сердце. Он и не подозревал, что в тот момент, имея в перспективе жизнь в союзе с угрюмым кузеном и его тиранической бабкой, я бы с радостью отказалась от своего царственного мира и поплыла бы в любую колонию, невзирая на примитивные условия и дикарей. Вот только мне не добраться даже до пристани: десятки людей тотчас попытаются отправить меня назад, в подобающую мне обстановку.

Ада шмыгнула носом, заставив меня вспомнить, что она по-прежнему сидит в гостиной. Я знала Аду много лет, но совершенно не обращала на нее внимания. А теперь, впервые в жизни, я ей позавидовала. Перед ней открывалась целая вселенная, полная неслыханных возможностей!

– Значит, вы собираетесь увезти Аду в Адорию, – непринужденно подытожила я, стараясь не выдавать своей зависти.

– Не сразу, – ответил Седрик. – Сначала нам надо позаботиться о том, чтобы она соответствовала требованиям Блистательного Двора. Уверен, что в вашем доме Ада уже успела получить хотя бы примитивное образование, которое, конечно, уступает вашим обширным познаниям. Поэтому сперва Ада проведет год в одном из поместий моего дяди с другими девушками ее возраста, обучаясь самым разным вещам, чтобы компенсировать свои пробелы. Она...

– Погодите! – перебила я Седрика. Моя бабушка ужаснулась бы тому, насколько нетактично я веду столь важную беседу, но ситуация была слишком странной, чтобы я соблюдала формальные правила. – То есть Ада получит образование, сравнимое с моим. За год?

– Не вполне сравнимое, миледи. Но Ада сможет вращаться среди представителей высших классов, вероятно, даже среди аристократов – по прошествии данного срока.

Зная Аду, я весьма в этом усомнилась, но решила выслушать его дальше.

– Продолжайте.

– Мы начнем с того, что отшлифуем ее базовые навыки в чтении и арифметике, а затем перейдем к более тонким материям. Как управлять домом и распоряжаться прислугой. Уроки музыки. Как устраивать приемы. О чем говорить на вечеринках и балах. Искусство, история, философия. Иностранный язык, если хватит времени.

– Прекрасное образование! – заметила я, бросая пытливый взгляд на Аду.

– Итак, весь курс продлится один год, – важно изрек Седрик. – Повторяю, Ада будет жить в поместье моего дяди, пока будет проходить обучение, а потом отплывет в Адорию с

уже отобранными девушками, которых привезут из других поместий. Если Ада, разумеется, пожелает к ним присоединиться.

Ада встрепелась и вскинула голову:

– Я не обязана ехать?

– Ну... нет, – признался Седрик и недоуменно покачал головой, посмотрев на Аду. Он извлек из кармана свернутый в трубку листок – несколько картинно, по-моему. – В конце года, говорится в вашем контракте, вы можете либо отправиться в Адорию, чтобы вам подобрали супруга, либо оставить Блистательный Двор. В последнем случае мы подберем вам работу, чтобы вы полностью выплатили нам стоимость вашего обучения.

Ада значительно повеселела. Вероятно, она решила, что будущая работа будет чем-то сходным с тем, чем она занимается сейчас.

– Догадываюсь, что здесь имеется в виду... наверняка рабочий дом или фабрика, – произнесла я.

У Ады вытянулось лицо.

– Но все равно это будет в Осфриде, миледи!

– Да, – подтвердил Седрик, – если вы захотите остаться. Но послушайте, кто из девушек захочет заниматься тяжелым неблагодарным трудом вместо того, чтобы использовать свой шанс заполучить богатого любящего мужа, который оденет свою невесту в шелка и драгоценности?

– Мне его выбирать не дадут, – буркнула Ада.

– А вот и нет! Когда вы окажетесь в Адории, у вас и у других девушек будут три месяца! Вас представят холостякам, которые заранее выразили интерес к нашим жемчужинам: так мой дядя называет девушек Блистательного Двора. – Седрик прямо-таки ослепительно улыбнулся и продолжил говорить мягким обволакивающим голосом: – И вам, несомненно, понравится в Адории. Мужчины в колониях просто безумствуют, когда мы привозим новых жемчужин! Светский сезон будет в самом разгаре: вы станете звездами на вечерах и иных мероприятиях! Кстати, вам подберут чудесный гардероб (мода в Адории немного другая, чем здесь). Если вам сделают предложение несколько мужчин, вы сможете выбрать того, кого пожелаете.

Меня опять переполнила зависть, а вот Ада почему-то приуныла. Выглядела она удрученной. Несомненно, она слышала рассказы об опасностях, лишениях и о варварах, свирепствующих в Адории. Между прочим, некоторые из историй вовсе не были безосновательными. Когда поселенцы из Осфрида и других стран высадились в Адории, начались кровопролитные столкновения между ними и местными икорийскими кланами. Во многих местах икорийцев вытеснили на окраины, но мы по-прежнему слышали о других трагедиях: об эпидемиях, ураганах и кровожадных хищниках... и это был далеко не весь перечень.

Тем не менее Адория манила к себе.

Что ж, Ада могла обрести статус, жить в роскоши и наслаждаться свободой. И разве в любом месте нет своих опасностей? Мне бы хотелось вбить в Аду хоть толику здравого смысла, сказать, что ей следует ухватиться за предоставленный ей шанс и вообще не оглядываться назад. Разве можно найти что-то лучшее, чем предложение Седрика? Но у Ады никогда не было тяги к приключениям, не было понимания возможностей, которые внезапно открываются перед тобой. Отчасти именно поэтому я не выбрала Аду, чтобы взять ее в дом Лионеля.

После долгих раздумий она обратилась ко мне:

– А что, по-вашему, мне следует делать, миледи?

Ее вопрос застиг меня врасплох, и от неожиданности я смогла думать только о словах моей бабушки: «Люди будут принимать за тебя решения всю твою жизнь. Привыкай».

Я невольно смягчилась.

– Тебе нужно выбрать самой – особенно если учесть, что когда ты перестанешь быть моей горничной, то станешь самостоятельной.

Я посмотрела на Седрика и впервые заметила, что на его выразительное лицо легла тень тревоги. Он боялся, что Ада откажется. Может, Блистательному Двору необходимо придерживаться определенных показателей? Что, если Седрику обязательно надо завербовать хотя бы одну кандидатку?

– Мистер Торн так прекрасно говорил, – пролепетала Ада. – Но я чувствую себя безделушкой, которую продают и покупают.

– Женщины всегда так себя чувствуют, – заявила я.

В итоге Ада приняла предложение Седрика, потому что, по ее понятиям, ей просто некуда было деваться. Я просмотрела контракт у нее через плечо: там в основном официально фиксировалось все то, о чем нам вещал Седрик. Когда Ада подписала бумаги, я настоялась.

– Это твое полное имя? – спросила я. – Аделаида? Но почему ты им не пользуешься?

Она пожала плечами.

– Чересчур много букв. Я несколько лет училась его писать.

Кажется, Седрик с трудом сохранил серьезность. Мне стало любопытно: уж не начал ли он жалеть о своем выборе и не усомнился ли в том, что Ада и вправду сможет превратиться в благородную даму, принадлежащую к «новой аристократии» Адории?

Держа контракт в руке, он встал и поклонился мне. Аде он сказал:

– Сегодня мне надо заключить еще несколько контрактов и завершить кое-какие дела в университете. А вам необходимо собрать свои вещи: карета приедет за вами сегодня вечером, чтобы отвезти вас в поместье. Мы с отцом присоединимся к вам по дороге.

– А где находится поместье? – поинтересовалась я.

– Пока я не знаю, куда именно направят Аду, – ответил Седрик, пожав плечами. – Но позже я, конечно, буду в курсе. Мой дядя содержит для Блистательного Двора четыре поместья, и в каждом живут по десять девушек. Одно – в Медфордшире, два – в Донли, а еще одно – в Ферхоупе.

Я подумала, что это и впрямь огромные поместья – и разместила все четыре на мысленной карте. До каждого от Осфро надо было ехать не менее полусуток!

Седрик дал Аде последние указания и собрался уходить. Я решила его проводить, что было отступлением от правил – и направилась вместе с ним в сад, где рисовала перед тем, как меня позвали к рыдающей Аде.

– Университет. Вероятно, вы студент, мистер Торн.

– Да. Вас, по-моему, данный факт не удивил.

– Но это видно по вашим манерам. И по вашему камзолу. Только студент станет устанавливать собственную моду.

Седрик рассмеялся.

– Нет, миледи! На самом деле я соблюдаю адорийскую моду. Мне нужно выглядеть соответствующим образом, когда я еду с девушками.

– А вы тоже посещаете поместья? – осведомилась я, постаравшись скрыть обиду в голосе. – Вы там часто бываете?

– Уже много лет не был, но...

Седрик резко замолчал: мы завернули за угол и услышали шмыганье носом. Старая Дорис, кухарка, шла к кухне, стараясь не плакать.

– Не обижайтесь... – начал Седрик, – но у вас дома – море слез.

Я бросила на него невеселый взгляд.

– Жизнь меняется. Дорис тоже с нами не поедет. Она слепа на один глаз, и мой кузен не захотел ее нанимать.

Седрик остановился и посмотрел на меня в упор, а я отвела взгляд. Мне не хотелось, чтобы он увидел, насколько меня ранило решение насчет Дорис. Я знала, что в таком состоянии Дорис вряд ли найдет себе работу. Это был очередной спор, в котором победила бабушка. Я начала терять позиции.

– Дорис хорошо готовит? – спросил Седрик.

– Очень.

– Извините! – окликнул кухарку Седрик.

Дорис изумленно обернулась.

– Милорд?

Мы оба не стали исправлять ее ошибку.

– Вы ищете работу? Я пойму, если вас уже кто-то нанял.

Дорис заморгала, устремив на Седрика свой единственный зрячий глаз.

– Нет, милорд.

– В одной из университетских столовых есть место кухарки. Четыре серебряных в месяц, жилье и еда включены. Если вы заинтересованы, то я замолвлю за вас словечко. Хотя мысль о готовке на ораву студентов может испугать любого...

– Милорд, – прервала его Дорис, выпрямившись во весь свой невысокий рост. – Я руководила приготовлением обедов, где было не меньше семи перемен блюд, и обслуживала одновременно сотню благородных господ. С заносчивыми юнцами я справлюсь.

Седрик сохранял невозмутимость.

– Рад слышать. Приходите завтра в северную контору университета и назовите свое имя. Вам сообщат подробности.

– Да-да, милорд! Я пойду сразу после того, как подадут завтрак. Огромное вам спасибо!

– Замечательно, – тихо произнесла я, когда мы остались наедине. Я бы не стала ничего говорить вслух, но подумала, что Седрик проявил невероятную доброту, предложив Дорис место в университетской столовой. Он вообще-то мог и не обратить на нее внимания. Большинство так и поступило бы. – Как все удачно сложилось!

– На самом деле там нет никакого места, – сказал Седрик. – Но сегодня я заскочу в контору и переговорю кое с кем – и Дорис, разумеется, примут на работу.

– Мистер Торн, что-то мне подсказывает, что вы даже священнику смогли бы продать отпущение грехов.

Седрик улыбнулся старой поговорке, бытовавшей в Осфриде.

– А почему вы решили, что я этого раньше не делал?

Мы дошли до сада и уже поворачивали к выходу, когда Седрик снова остановился. На его лице отразилось недоверчивое изумление. Интересно, что вызвало у него такую реакцию? Надо же! Моя картина с маками.

– Потрясающе! «Маки» Питера Косингфорда! Я видел полотно в Национальной галерее. Вот только?..

Он оторопело замолчал, увидев рядом с холстом краски.

– Это копия, – пояснила я. – Моя попытка подражать. У меня есть и другие. Я просто так иногда развлекаюсь.

– Вы делаете копии работ великих мастеров ради развлечения? – пробормотал Седрик и с некоторым запозданием добавил: – Ваше сиятельство.

– Нет, мистер Торн. Это делаете вы.

Седрик искренне мне улыбнулся, и я обнаружила, что такая улыбка нравится мне гораздо больше его показной любезности.

– Я уверен, что вас скопировать я не сумел бы.

Мы направились к воротам, но я почему-то задумалась и невольно замедлила шаг. Дело было не столько в смысле сказанного Седриком, сколько в самих интонациях и в сердечной

дружелюбной теплоте. Я попыталась придумать остроумный ответ, но моя привычная сообразительность меня покинула.

– И если вы разрешите мне говорить откровенно... – быстро произнес он.

– Я была бы разочарована, если бы вы это не сделали.

– Знаете, я немного огорчен тем, что, наверное, мне никогда не доведется вас увидеть, – произнес Седрик и помялся, видимо, понял, что позволил себе лишнее. А затем вежливо откланялся. – Прощайте, и удачи вам, ваше сиятельство.

Один из привратников отпер ему калитку. Я проводила Седрика взглядом, восхищаясь тем, как прекрасно на нем сидит камзол.

– Но вы меня еще увидите, – прошептала я. – Обещаю.

Глава 3

План начал складываться у меня в подсознании с той самой минуты, как заплаканная Ада подписала контракт. Я получила шанс перехитрить ту беду, которая на меня неминуемо надвигалась. И, как советовал мой отец, мне необходимо было действовать, причем быстро. По мере того как детали становились яснее, во мне нарастало возбуждение, и теперь я с трудом сдерживала торжествующий вопль.

Овладев собой, я решительным, но плавным шагом ушла из сада и вернулась в гостиную, где сидела тоскующая Ада. Я посторонилась, пропуская двух лакеев, тащивших бабушкин шезлонг, и порадовалась, что Седрик этого не увидел. Казалось, мы подвергаемся разграблению.

– Ах, ты, наверное, рада, – жизнерадостно заявила я. – Тебя ждут прекрасные возможности!

Она понуро кивнула и посмотрела на меня исподлобья.

– Как скажете, миледи.

Я села рядом с ней, изображая изумление:

– Но у тебя будет безоблачное будущее!

– Знаю. – Она вздохнула. – Но я... – Попытка взять себя в руки полностью провалилась, и по щекам Ады заструились слезы. Я протянула ей шелковый носовой платочек. – Не хочу уезжать в чужие земли! Не хочу плыть через Закатное море и выходить замуж!

– Тогда оставайся здесь, – предложила я. – Займись чем-то другим, когда мы с бабушкой уедем. Найди другую работу.

Ада замотала головой.

– Я ведь подписала контракт. И, кроме того – что я могу? Я не такая, как вы, моя госпожа. Мне нельзя просто взять и уйти. У меня нет денег, а ни одно благородное семейство сейчас наем не ведет... по крайней мере, на моем уровне. Я уже спрашивала.

Что-что? Она действительно сказала, что я имею право уйти? Ада явно считала мое высокое происхождение козырем, но на самом деле у простолюдинки свободы было гораздо больше, чем у меня. И, наверное, именно поэтому мне и необходимо было разыграть свою собственную партию...

«Вы – графиня Ротфордская, миледи! Обладатель такого славного имени не должен находиться в толпе простолюдинов».

– И что бы ты тогда сделала? Если бы у тебя были деньги?

– Если бы я у вас не работала? – Ада помолчала, вытирая нос. – Я бы уехала к своей родне в Хадаворт. У меня там кузены. У них славная молочная ферма.

– Хадаворт находится на севере, – напомнила я ей. – Туда очень сложно добраться.

– Зато в Хадаворте нет никакого моря или океана! – воскликнула она. – Он все-таки в Осфриде. И дикарей там нет.

– Ты предпочтешь работать на молочной ферме, а не выйти замуж за адорийского богача? – Надо признаться, что подобный расклад неожиданно хорошо согласовывался с моим планом. Тем не менее все прозвучало настолько нелепо, что я уточнила: – А как ты вообще оказалась в поле зрения Седрика?

– Сын леди Брэнсон, Джон, учится в университете с ним... с мастером Седриком. Лорд Джон слышал, как тот говорил, что ему нужны хорошенькие девушки для какого-то поручения его отца. Лорд Джон знал, что вы увольняете прислугу, и спросил у матери, нет ли среди нас красивых девиц, которым требуется место. Когда она со мной заговорила... ну а что мне оставалось делать?

Я взяла ее за руку в нетипично дружеском жесте.

– Ты поедешь в Хадаворт. Обязательно.

Ада недоуменно воззрилась на меня. Я отвела ее к себе в спальню, где остальные горничные разбирали одежду. Я отправила их с поручениями, после чего достала из шкатулки с драгоценностями топазовые серьги.

– Держи, – сказала я, вручая их Аде. – Продашь их, получишь крупную сумму денег и оплатишь проезд до Хадаворта. Только присоединись к надежной компании путешественников, ладно?

Странно, но я ожидала, что у Ады окажется гораздо более внушительная мечта, на которую у меня не хватило бы средств. Видимо, удача мне улыбнулась!

У Ады округлились глаза.

– Миледи, я... нет. Я не могу их взять.

– Можешь, – твердо возразила я. Сердце у меня колотилось. – Мне невыносимо думать, что ты будешь мучиться. Я хочу, чтобы ты вернулась к родным и нашла свое счастье. Ты этого заслуживаешь.

Я, в принципе, не лгала, но мои истинные мотивы были отнюдь не столь бескорыстными.

Она зажала серьги в кулачке – и ее личико просияло.

– Я... нет, нельзя! – внезапно промямлила она. – Я подписала контракт! Он меня связывает. Меня найдут и...

– Я позабочусь о том, чтобы его расторгли, так что, пожалуйста, не волнуйся. Я тебя от него освобожу. Я могу это сделать, ты ведь знаешь. Но чтобы все получилось наверняка, тебе надо уехать немедленно. Прямо сейчас. Полдень только-только миновал. Торговцы как раз заканчивают дела и вскоре отправятся на север. И еще ты должна отрицать свою связь с Блистающим Двором. Никогда и ни в коем случае не говори никому, что тобой интересовались.

Глаза у Ады стали огромными, как блюдца.

– Клянусь, миледи! Я никогда не проболтаюсь! И я уйду очень быстро... когда сложу вещи.

– Нет, не надо. То есть я хотела сказать – не бери слишком много. Отправляйся налегке. Нельзя допустить, чтобы кто-то догадался о твоих намерениях... и поймал тебя с поличным. Притворись, будто отправляешься по какому-то важному поручению.

Мне не хотелось, чтобы домочадцы обратили внимание на ее отъезд. Нельзя было рисковать: вдруг Аду остановят и начнут задавать вопросы?

Она кивнула, признавая мудрость моих слов.

– Вы правы, миледи. Какая вы умная! Кроме того, теперь я смогу купить новую одежду и доехать до Хадаворта.

Следуя моему совету, она собрала минимум вещей: смену одежды, фамильный медальон и колоду динзанских карт. Ада покраснела, подметив мой пристальный взгляд, когда я смотрела на эту часть ее нехитрого скарба.

– Это просто забава, миледи. Мы раскладываем карты для развлечения. Все всегда так делают.

– Делали, пока аланзане не превратили их в ключевую часть своей религии, – напомнила я ей. – Сейчас священники их сжигают. Постарайся не попасть под арест как еретичка.

Ада выпучила глаза.

– Я не поклоняюсь демонам или деревьям!

К другим своим вещам Ада даже не притронулась. К счастью, наша прислуга настолько погрузилась в приготовления к отъезду, что игнорировала нас с Адой. Я забрала остатки ее имущества (а их оказалось немного, лишь несколько предметов одежды) к себе в комнату и

спрятала, после чего попрощалась с Адой. Она ошеломила меня, когда бросилась ко мне и порывисто заключила в свои объятия. На глазах у нее блеснули слезы.

– Спасибо вам, моя госпожа. Вы избавили меня от ужасной судьбы!

«А ты – спасла меня», – подумала я.

Следуя моим инструкциям, Ада спокойно вышла в главные ворота, как будто отправлялась на рынок за покупками. По-моему, дежурный охранник клевал носом, ну а девушка словно превратилась в невидимку, опять несказанно меня удивив.

Когда Ада ушла, я вернулась к своей картине в саду. При этом я отчаянно старалась казаться рассеянной, как бывало в последнее время, и не привлекать взглядов слуг. Но те трудились не покладая рук и ничего особенного вообще не замечали.

Когда у меня появлялся шанс непринужденно вставить нужную реплику в разговор, я небрежно бросала, что Ада отправилась на новое место – и добавляла, как я рада, что ей наконец его подобрали. Все знали, что совсем недавно кто-то приходил в дом и осведомлялся об Аде, но подробностей беседы никто не слышал. Многие из слуг уже нашли себе другую работу, так что в случае с Адой не было ничего из ряда вон выходящего.

Ближе к вечеру я получила известие о том, что бабушка и леди Брэнсон задержались в пути, заехав в гости к их общей подруге. Подобный поворот событий устраивал меня, хоть я на секунду и испытала сомнения, осознав, что, возможно, больше никогда не увижу бабушку. Еще утром мы обменялись резкими замечаниями, однако ссора не уменьшила моей любви к ней... или ее ко мне. Все, что она делала в этой злополучной истории с Лионелем, делалось во благо мне.

Правда, я знала, что вскоре разразится грандиозный скандал... Бедная бабушка!

«Не раздумывай, – сказала я себе и несколько раз глубоко вздохнула, заставляя себя успокоиться. – Бабушка справится. А когда скандал утихнет, она договорится с леди Брэнсон и сможет жить в особняке ее дочери. Ей будет там гораздо лучше, чем под пристальным наблюдением леди Доротеи».

Даже если мы и разлучимся, остается возможность, что когда-нибудь в будущем бабушка меня навестит. Но – ох, как же она будет обо мне тревожиться! Я надеялась, что, если... нет, когда!.. мы снова встретимся, она поймет, почему я была вынуждена так поступить. Я не способна выйти замуж ради жизни в роскоши, если для этого мне придется продать собственную душу.

После ужина я пожаловалась на головную боль и удалилась в спальню. Увы, физическое недомогание являлось практически единственной причиной, по которой мне можно было остаться в одиночестве! С трудом прогнав переполошившихся горничных, я стянула с себя дорогой шелковый наряд и надела скромное полотняное темно-синее платье Ады – не без проблем. Обычно мне помогали камеристки: я не привыкла справляться с крохотными пуговицами самостоятельно. На юбке я не обнаружила какой-либо отделки или вышивки, а белая сорочка, которую я надела перед тем, как облачиться в платье, тоже оказалась совсем простой. Раньше я никогда не замечала, какие унылые наряды у моих горничных! Тем не менее платьишко Ады должно было отлично меня замаскировать, как и серый плащ с капюшоном, который теперь перешел в мое распоряжение.

Сложив остатки Адиной одежды в сумку, я тихо спустилась по узкой лестнице для прислуги, которой в это время суток почти не пользовались. Убедившись, что вокруг никого нет, я бесшумно выскользнула из дома.

Черный ход вывел меня на задний двор, где было очень сумрачно: солнце только что село, и по земле стелились длинные вечерние тени. Здесь сустились слуги, заканчивая последние дела – и все проигнорировали фигурку, жмущуюся в темноте. Однако это был самый опасный этап моего предприятия: все могло рассыпаться, если бы хоть кто-то ко мне присмотрелся. Мне следовало пересечь двор и добежать до ворот, расположенных рядом с

конюшней. Весенний воздух значительно охладился, так что капюшон надвинула не я одна. Я мысленно молилась, чтобы никто не успел заглянуть мне в лицо, пока я буду красться по двору.

Конюх, дежуривший на воротах, строгал деревяшку и следил за тем, чтобы никто из чужаков не появился в наших владениях. Конечно же, до выходявших ему дела не было. Если он меня и заметил, то увидел бы лишь спину служанки, закутанной в серый плащ.

Выскочив с территории особняка, я кинулась за угол и попала на оживленную улицу, на которую выходил фасад нашего дома. Я огляделась по сторонам: движение сильно уменьшилось, хотя мне на глаза попадались и всадники, и припозднившиеся пешеходы. Их ноги так и стучали по булыжникам. На меня никто не смотрел.

Что ж, пока мне везло. Я была камеристкой при даме, а не благородной дамой.

Странствующий священник Уроса проповедовал на углу, изобличая аланзанскую ересь. Он обвиняюще ткнул в меня пальцем, чуть не задев лицо.

– Ты ведь не станешь поклоняться солнцу и луне, а, девица?

В его глазах горел лихорадочный фанатизм. Я была настолько ошеломлена, что застыла перед ним как вкопанная.

– Эй, ты! Стой!

Я охнула: ко мне подбежали два городских стражника. А я ведь отошла от дома всего-то на несколько шагов! Как они могли догадаться, что за мной надо посылать погоню?

Однако им нужна была не я. Стражники схватили священника: один сгреб отбивающегося мужчину в охапку, а второй ловко связывал ему руки.

– Как вы смеет трогать избранника Уроса! – заорал священник.

Какой-то из стражников фыркнул.

– Ты – не истинный последователь Уроса. Проверим, выдержит ли твоя вера несколько ночей в камере.

Он поволок вопящего священника прочь, а второй стражник обратился ко мне:

– Вы в порядке, мисс? Он вам ничего плохого не сделал?

– Все хорошо. Спасибо вам, сударь.

Мужчина с отвращением покачал головой.

– Не знаю, куда катится мир, когда по улицам шастают еретики. Вам надо вернуться в хозяйский дом, пока не наступила ночь.

Я кивнула и быстро пошла прочь. В последнее время религиозная атмосфера в Осфриде накалилась. Радикально настроенные странствующие священники утверждали, что почитают единого бога Уроса, но их практика шла вразрез с официальной церковью, так же как и аланзанская вера в ангелов-отступников.

Теперь священники и власти стали гораздо менее терпимыми, и любой мог запросто попасть в число подозреваемых в ереси.

Как же я обрадовалась, когда добралась до кареты Блистательного Двора! Она стояла в двух кварталах от нашего особняка, именно там, как Седрик и обещал Аде.

Экипаж был черным, гладким и глянцевым, с гербом Блистательного Двора на дверце. Я присмотрелась к изображению и разглядела кольцо из золотой цепочки, звенья которой чередовались с жемчужинами. Карета оказалась не слишком большой и не столь великолепной, как та, в которой ездили мы с бабушкой. Тем не менее я подумала, что экипаж Седрика, конечно, может поразить местную простушку, которая в таких вещах не разбирается. Я приблизилась к козлам, на которых сидел кучер, правящий четверкой белых лошадей. Я поздоровалась с ним – достаточно громко, чтобы меня услышали на фоне уличного шума, надеясь, что за мной ненароком не наблюдают обитатели соседнего особняка.

– Эй! – сказала я. – Вы здесь, чтобы забрать меня. Меня зовут Аделаида.

Это была ключевая фраза, при помощи которой я хотела сбежать. Я заставила Аду исчезнуть и взяла с нее обещание, что она не будет рассказывать ни про контракт, ни про Седрика, но для представителей Блистательного Двора я являлась именно той простолюдинкой, которая и была им нужна. Идея назваться Адой казалась мне неправильной. Когда я думала об этом, у меня даже появлялось ощущение, что я совершаю кражу. Так или иначе, но пользоваться своим собственным именем я уже не могла. В итоге я решила называть себя тем прекрасным именем, которое Аде дали при рождении – и которое ей было слишком сложно писать. Я подумала, что достойна его, как и самого шанса, который так страшил Аду.

Кучер отрывисто кивнул.

– Ага. Залезай, Аделаида. Мастера Джаспера и мастера Седрика заберем по дороге.

Мастера Седрика!

Как бы я им ни любовалась, наша встреча сейчас совершенно определенно представит опасность для моего блестящего плана. Однако с Седриком мне предстоит разбираться позже. Сейчас у меня возникли другие вопросы.

– Залезай? – перепросила я, упирая руки в бока. – А вы не собираетесь спуститься вниз и открыть мне дверцу?

Мужчина насмешливо фыркнул.

– Надо же, ты и впрямь ведешь себя, как знатная дама! Ты пока не «жемчужина», мисси! А сейчас забирайся в карету: у нас еще пара остановок, причем одна – в сирминиканском районе. Там мне совсем не хочется оказаться позже, чем надо. Сирминиканцы ограбят кого угодно в два счета.

Я повозилась с ручкой и в конце концов догадалась, как открыть дверцу экипажа. Я неловко не столько поднялась, сколько завалилась в карету: обычно лакей подставлял мне скамеечку или пуфик. Внутри оказалось сумрачно: единственным источником света были полупрозрачные стекла. Когда глаза у меня немного привыкли, я заметила, что устроилась на мягком сиденье, обитом дешевым плюшем винного оттенка.

Даже не удостоверившись, что я нормально устроилась, кучер тронулся с места, заставив меня вздрогнуть. Я едва не упала, уперлась рукой в стену кареты и сквозь затемненное стекло посмотрела на удаляющиеся огни моего дома. Затаив дыхание, я глядела на свой родной особняк: я боялась, что из ворот вот-вот выбежит толпа слуг. Они наверняка окружают экипаж и потребуют, чтобы меня выпустили.

Однако никто так и не появился...

Конечно же, они занимались своими вечерними делами, и дом быстро исчез в ночи. А может, наоборот: это как раз я исчезла. Не исключено, что меня скоро забудут и мое лицо и голос сотрутся из памяти всех, кого я знала. От этой мысли мне стало неожиданно грустно, но я заставила себя сосредоточиться на реальности.

Если горничным не придет в голову заглянуть в мою спальню и справиться о моем недомогании, то мое отсутствие обнаружится только утром – когда я, надо надеяться, буду далеко отсюда. Но, разумеется, надо иметь в виду и Аду. Вдруг она испугается и вернется назад... А может, она вообще не уехала из столицы?

Однако если все идет так, как надо, то Ада уже оплатила свою поездку и отправилась на север с какой-то группой путников.

Что ни говори, а в моем плане имелось очень много всяких «если», и поэтому я продолжала нервничать.

Наконец подпрыгивающая карета въехала в ту часть города, которую я никогда раньше не видела. Мне стало очень любопытно, но по мере наступления темноты я заметила, что количество газовых фонарей на улицах явно уменьшилось.

Когда лошади встали смирно, я услышала приглушенный разговор. Спустя несколько секунд дверь открылась, и в ее проеме появилась девушка моего возраста. Ее огненно-рыжие

волосы сияли даже в полумраке. Она бросила на меня оценивающий взгляд, а потом, как и я, забралась в карету без помощи скамеечки. Вот только получилось это у нее гораздо лучше. Она закрыла дверь, и карета продолжила свое дерганое движение.

Мы сидели и молча таращились друг на друга, а экипаж тем временем катил по булыжной мостовой. Свет от уличных фонарей то появлялся, то исчезал, создавая в карете подобие театра теней. В проблесках света я разглядела, что платье на незнакомке еще беднее, чем мое, местами совсем выношенное.

Внезапно она заговорила: в ее голосе был заметен отзвук простонародного говора:

– Как это ты вот так смогла причесаться? Чтобы все локоны лежали правильно?

Такого вопроса я не ожидала. А еще он показался мне чересчур прямым – пока я не поняла, что, по ее мнению, мы находимся на одной социальной ступени.

– Они у меня от природы выются, – ответила я.

Она раздосадованно кивнула.

– Да-да, вижу. Но локоны уложены ужасно ровно... Я сама пыталась причесаться, как делают высокородные дамочки... Кажется, для этого нужно иметь шесть рук.

Я едва не сказала, что мне и правда их укладывали полдюжины рук, но успела прикусить язык. Я сочла себя весьма хитрой, когда переоделась в Адино платье, отправилась искать приключений с той самой сложной прической, какая была у меня с утра – и почти выдала себя с головой! Мои камеристки уложили мне локоны по последней моде, и теперь они изящно ниспадали мне на плечи. Я напряженно улыбнулась своей спутнице.

– А мне помогали, – призналась я. Вспомнив историю жизни Ады, я постаралась превратить ее биографию в свою собственную. – Ведь сегодня у меня... особый случай. Я служила горничной у одной леди, а мои подруги делают такие прически очень хорошо.

– Горничной у леди? Чертовски повезло тебе! Я бы с такого места уходить не захотела. Теперь ясно, почему ты хорошо говоришь! У тебя по сравнению с остальными будет фора.

Похоже, я впечатлила свою соседку. И немного зависти в ее голосе тоже присутствовало.

– Но мы же не соревнуемся! – возразила я.

Карету вновь озарил свет фонаря, и я успела увидеть, что моя спутница поморщилась.

– Ха! От того, как мы будем справляться и насколько хорошо выучимся, будет зависеть, кому нас будут предлагать в жены. Я собираюсь стать женошкой банкира. Или политика, а не какого-нибудь фермера. – Она помолчала, раздумывая. – Если только это не будет неприлично богатый плантатор, чтобы я могла распоряжаться домом, полным прислуги. Но обычная фермерша, которая должна подметать полы и делать сыр? Нет, спасибо! Хотя, конечно, простому фермеру мы будем не по карману. Моя мать слышала от своей подруги, что за одну девушку из Блистательного Двора предложили выкуп в четыре сотни золотых. Можешь себе представить такие деньжищи?

Я смутно припомнила, что Седрик говорил про женихов Адории, которые делают предложение «выпускницам» Блистательного Двора. Кстати, в контракте отдельно оговаривалось, что агенты Двора получают комиссионные с выкупа за каждую барышню. Пусть Седрик и разливался соловьем о том, что новая аристократия Адории предоставляет некую услугу Новому Свету, но было очевидно, что эта организация является источником весомого дохода для семейства Торн.

Моя спутница покосилась на меня, явно ожидая ответной реплики.

– Ой, извини! – выпалила я. – Не обижайся, если я кажусь невнимательной. Все получилось вроде как в последнюю минуту, – объяснила я. – Семья, где я работала, увольняет прислугу, и когда Сед... мастер Седрик начал искать девушек, кто-то рекомендовал ему меня.

– Значит, ты из его набора, да? Про это я тоже слышала, – отозвалась моя соседка. – Он еще никогда не проводил набора, сечешь? Его отец – один из лучших агентов! Мастер

Седрик тоже поднабрался от него ума и говорит как по писаному, вот отец и разрешил ему выбрать пару девушек. Но сперва в его семье был жуткий скандал!

– А тебе многое известно! – воскликнула я.

Похоже, ей и впрямь сообщили гораздо больше подробностей, чем нам с Адой.

– Я доставляла стирку в их дом, – заявила она. – Моя мать – прачка, а я ей помогала. Теперь – все! – Она подняла руки и принялась их рассматривать, но я в полутьме их толком не разглядела. – Я не собираюсь быть прачкой. Я господское грязное белье стирать больше не буду!

Она буквально излучала решимость. Я не была уверена в том, что подобная инициативность будет мне полезна, но опыт научил меня, что в сомнительных случаях лучше выбрать дружелюбный тон.

– Я – Аделаида, – приветливо проговорила я. – Очень приятно познакомиться, мисс...?

Девушка помедлила, словно решая, достойна ли я таких сведений.

– Райт. Тэмсин Райт.

Карета поехала медленнее и вскоре остановилась. Мы прервали наш разговор и начали ждать очередную «благородную даму». Когда дверца распахнулась, я различила в темноте девичий силуэт, а Тэмсин с шумом втянула в себя воздух.

Я изумленно смотрела на незнакомку. Сперва я предположила, что ее внешность кажется мне странной из-за плохого освещения, но потом поняла, что она действительно темнокожа: ее лицо и руки были почти карамельного оттенка. Я вспомнила, как кучер сетовал о том, что мы заедем в сирминиканский квартал. Это был один из самых жалких городских районов: в дверном проеме кареты я разглядела грязные ветхие строения, где жила беднота. Поговаривали, что здесь обитали беженцы из Сирминики, где в последние годы не утихала гражданская война. Когда-то Сирминика являлась мощным государством, и королевская семья, правящая там, даже была связана родственными узами с моим родом. Но мятежники свергли монарха, и теперь Сирминику избегали как опасную военную зону.

Ну а девушка, застывшая у дверцы кареты, с чудесной кожей и роскошными черными волосами, по всем признакам принадлежала к числу беженцев.

А еще она была потрясающе, ослепительно красива.

Кучер спрыгнул с козел и бросил на девушку настороженный взгляд. Она держалась с достоинством: уверенно влезла в экипаж и, мельком посмотрев на нас с Тэмсин, уселась рядом со мной. Платье у нее напоминало лохмотья, но наброшенная на плечи искусно вышитая шаль была выше всех похвал.

Вспомнив презрительное ворчанье кучера, я решила, что он слез, дабы убедиться в том, что нас не ограбят. Но кучер продолжал ждать кого-то у открытой дверцы, и я догадалась, что он вовсе не собирается защищать своих пассажиров.

Я наострила слух, и спустя несколько секунд до меня донеслись два мужских голоса... один из которых я опознала.

– ...очень смазливая, не спору, но ты не представляешь себе, насколько трудно будет продать сирминиканку.

– Это не имеет значения... на другом берегу.

– Ты не знаешь про «другой берег» того, что знаю я, – бросил второй мужчина. – Ты сейчас прохлопал свою комиссию.

– Но я...

Спор оборвался: собеседники приблизились к экипажу. Один из них оказался мужчиной сорока с лишним лет с чуть тронутыми сединой каштановыми волосами. Вид у него был щеголеватый: он походил на зрелого Седрика Торна, и я сразу сообразила, что это именно его отец, Джаспер.

Вторым подошедшим к нам мужчиной был, конечно же, сам Седрик Торн.

Когда наши взгляды встретились, у меня пересохло во рту. Несмотря на выговор отца, Седрик подошел к карете с той же самоуверенной непринужденностью, которую я уже наблюдала. Внезапно он сбавил шаг и остановился – да так резко, что даже пошатнулся. Он открыл рот, явно собираясь что-то сказать, но тотчас его захлопнул и сузил глаза.

При виде Тэмсин Джаспер разулыбался, не обратив внимания на немую сцену между мной и Седриком.

– Как приятно снова тебя видеть, милочка. Надеюсь, у тебя не было проблем?

Недавняя расчетливость и недоверчивость Тэмсин испарились: она покраснела и потупилась.

– Ах, все было чудесно, мистер Торн. Карета – просто замечательная, и у меня появилась новая подружка!

Джаспер уставился на меня, и мне пришлось отвести взгляд от помрачневшего Седрика.

Я отметила, что Джаспер одобрительно на меня посмотрел.

– А ты – вторая наша прелестная спутница. Ада, верно? – Джаспер протянул мне руку, и после секундного замешательства я догадалась, чего он ожидает. Я ответила на его рукопожатие, надеясь, что моя оплошность останется незамеченной. – Ты, несомненно, будешь пользоваться огромным успехом у мужчин в Адории.

Я облизнула губы, с трудом находя нужные слова.

– Спа... спасибо, сударь. Вы можете звать меня Аделаидой.

Почему-то при звуке моего голоса Седрик опомнился.

– А вы, значит, теперь предпочитаете уже свое полное имя?

– Так гораздо лучше, – многозначительно отозвалась я. – Вы согласны?

Седрик промолчал, а Джаспер его толкнул в бок.

– Хватит медлить. Нам пора.

Седрик пытливо смотрел на меня, и мне показалось, что мы оба стоим над пропастью. Именно он сейчас решает, что будет дальше.

– Да, – согласился он и кивнул. – Поехали.

Джаспер залез в карету раньше сына и, усевшись возле Тэмсин, занял почти все сиденье напротив меня. Сирминиканка услужливо подвинулась к стенке, освобождая свободное пространство для Седрика. Следуя ее примеру, я тоже переместилась. Чуть поколебавшись, Седрик сел рядом со мной. Нам все равно было тесно: наши плечи и бедра даже соприкоснулись. Да, в такой ситуации моя бабушка точно бы ужаснулась! Седрик почти не шевелился, но я чувствовала, что его тело столь же напряжено, как и мое: мы оба с трудом осваивались в щекотливой ситуации.

Тем временем Джаспер принялся по-свойски общаться с Тэмсин. Я, в свою очередь, выяснила, что сирминиканку зовут Мирой (правда, она в основном помалкивала). Я отметила изящную вышивку ее шали, и она поплотнее в нее закуталась.

– Это мамина, – тихо проговорила девушка с сильным сирминиканским акцентом.

В голосе Миры прозвучала вполне понятная мне печаль, которая до сих пор оставалась со мной, и сейчас она опять болезненно шевельнулась. Хотя я ничего не знала про Миру, я тут же почувствовала, что у нас есть с ней нечто общее, и не стала задавать ей лишних вопросов.

Примерно через двадцать минут лошади замедлили шаг, а Джаспер с довольным видом усмехнулся.

– Ага, вои и ворота! Что ж, когда мы окажемся за городом, можно будет набрать скорость.

Но лошади не трогались с места, вдобавок снаружи слышались какие-то громкие неразборчивые возгласы. Джаспер нахмурился.

– Почему так долго? – раздраженно спросил он, приоткрыл дверцу кареты и окликнул кучера.

Тот поспешно подбежал к Джасперу в сопровождении двух стражников.

– Извините, мистер Торн. Они проверяют всех выезжающих. Ищут какую-то девушку.

– Не простую девушку, – жестко уточнил один из стражников. – Юную аристократку. Семнадцати лет. Графиню.

Я затаила дыхание.

– Кто эти девицы? – сурово осведомился второй стражник, заглянувший в карету.

Джаспер махнул рукой.

– Конечно, не графини и не баронессы. Мы – из Блистательного Двора. Со мной едут простолюдинки, которые отправятся в Адорию.

Стражник с подозрением осмотрел каждую из нас. Я невольно пожалела, что не додумалась изменить прическу.

– А как выглядит беглянка? – поинтересовался Джаспер.

– Каштановые волосы и синие глаза, – ответил первый стражник, на мгновение задержав взгляд на мне. – Одного возраста с вашими барышнями. Сбежала сегодня вечером. За нее обещана хорошая награда.

Мне захотелось возмутиться вслух. Я предпочитала считать свои волосы темно-золотыми. Однако под столь банальное описание подошла была половина благородных девиц нашей столицы. Чем оно менее точное, тем лучше для меня.

– А с нами сирминиканка, прачка и горничная, – приветливо пояснил Джаспер. – Если вознаграждение действительно большое, а вам хотелось бы выдать одну из них за графиню, я возражать не стану, но уверяю: мы сами лично видели, откуда они к нам попали. Не слишком шикарные условия... хотя, Седрик, ты ведь сегодня посещал особняк неких аристократов? Аделаида ведь оттуда? Ты не в курсе, что у них творилось?

Первый стражник вперился в Седрика:

– Сударь? Где вы были?

Все это время Седрик смотрел прямо перед собой, возможно, надеясь, что если не встречаться со стражниками глазами, то они его не заметят.

– Сударь? – поторопил его мужчина.

Казалось, весь мир замедлил движение. Несколько секунд я слышала только оглушительное биение собственного сердца. Мне вновь представилась бездонная пропасть, но теперь я уже теряла равновесие. Достаточно случайно брошенного Седриком слова... и меня отволокут назад, к бабушке и Лионелю. Я не сомневалась в том, что у Седрика хватит хитрости вывернуть ситуацию так, чтобы его сочли невиновным. И откуда мне знать – может, Седрик решил, что получить награду сейчас проще, чем ждать эфемерной комиссии после сделки.

Седрик глубоко вздохнул и, как будто надев маску, превратился в прежнего самоуверенного юношу.

– Я встречался с лордом Джоном Брэнсоном, – произнес он и, кивнув в мою сторону, добавил: – Она просто чинила пышные дамские наряды, когда я ее забрал из особняка лорда Брэнсона. Это считается преступлением?

– Здесь не место для шуток! – огрызнулся стражник.

Однако я ясно почувствовала, что он уже начал терять к нам интерес и готов сдаться. Наверняка возле городских ворот образовалась очередь: покинуть столицу спешило немало людей, и страже ни к чему задерживаться из-за одной неподходящей кареты. Сбежавшая аристократка должна где-то прятаться, а не сидеть рядом с уважаемыми бизнесменами.

– Ладно, прощайте, – проворчал второй стражник. – Спасибо, что уделите нам несколько минут.

Седрик, продолжая играть свою роль, лучезарно улыбнулся ему в ответ:

– Нет проблем. Надеюсь, вы ее отыщете.

Дверца закрылась, и экипаж покатиł дальше. Теперь мы ехали довольно плавно по сравнению с вынужденными остановками и постоянными поворотами на узких городских улицах. Немного расслабившись, я протяжно вздохнула и привалилась к спинке сиденья. Я позволила себе бросить быстрый взгляд на Седрика, но не смогла расшифровать его выражение лица и определить намерения. Мне оставалось только надеяться, что я наконец-то обрету свободу.

Глава 4

Поездка заняла целую ночь. Я то засыпала, то опять просыпалась. Мое тело требовало отдыха, но мозг был слишком возбужден, пугая меня тем, что вот-вот я услышу позади нас топот копыт и гневные окрики. Тем не менее ночь прошла без происшествий, и покачивание кареты даже навеяло на меня оцепенение.

Я окончательно пробудилась, услышав голос Джаспера.

– Мы приехали! – провозгласил он.

Ровное движение экипажа замедлилось, и я подняла голову, с изумлением и стыдом осознав, что пристроила ее у Седрика на плече. Его одеколон пах ветивером.

Мои спутницы реагировали по-разному. Лицо Тэмсин выражало радостное нетерпение, готовность к авантюрам и желание обеспечить себе будущее, которого, по ее мнению, она заслуживала. Мира волновалась гораздо сильнее: похоже, она многое повидала в своей жизни и научилась не доверять первому впечатлению.

Джаспер помог каждой из нас выйти из кареты. Дожидаясь своей очереди, я вдруг ощутила мощный прилив страха перед будущим. Вчера я потратила немало усилий на то, чтобы добиться цели, которая была основана скорее на моих фантазиях, чем на фактах. Седрик очаровал меня своим красноречием, адресованным Аде, однако существовал вполне реальный шанс, что я сейчас окажусь в положении, которое будет во много раз страшнее «ячменной жизни» с Лионелем. Возможно, в данный момент я вступаю в жизнь, полную мерзости и опасностей.

Джаспер подал мне руку – и я впервые разглядела поместье «Голубой ключ». К моему облегчению, оно не внушало опасений и выглядело вполне мирным. «Голубой ключ» являлся сельским имением, расположенным среди вересковых пустошей, вдалеке от деревень и других поселений. Сюда явно не могли забрести люди, которых наверняка уже снарядили на мои поиски. Пусть «Голубой ключ» и не был обширным поместьем, как некоторые из бывших владений моей семьи, однако он казался старинным и внушительным. Утреннее солнце как раз поднялось над крышей дома, осветив потрясенные мордашки Тэмсин и Миры.

Немолодая женщина, одетая в черное, встретила нас у дверей.

– Наконец-то последние приехали! Я-то боялась, что вы будете налегке!

– Мы задержались в пути, – объяснил Джаспер, покосившись на Миру. – И столкнулись с некоторыми неожиданностями.

– Уверена, что новенькие быстро привыкнут к нашему распорядку, – заявила женщина и смерила нас строгим взглядом. – Я – мистрис Мастерсон, домоправительница. Именно я буду заниматься вашими повседневными нуждами. А еще я отвечаю за ваше обучение этикету, который вы должны отлично освоить в этих стенах. У нас свободна только одна комната, но вы вдвоем прекрасно там разместитесь. Можете отнести в дом вещи, а затем присоединиться к остальным девушкам за завтраком. Они только что сели за стол.

Домоправительница спросила у Торнов, не желают ли они перекусить, но я едва вслушивалась в их ответы. Я была слишком занята тем, что переваривала сообщение мистрис Мастерсон насчет того, что мы вдвоем будем жить в одной комнатухе. Я никогда в жизни не делила свои апартаменты с кем-то еще. Такого не могло быть в принципе! Где бы наша семья ни останавливалась, у меня всегда имелось несколько комнат, включая, конечно, и гардеробную, да и за дверью моей спальни ночевала горничная, чтобы моментально явиться на вызов.

Седрик бросил на меня пристальный взгляд, и я испугалась, не отразилось ли на моем лице недовольство. Поспешно натянув маску бесстрастности, я вместе с остальными девуш-

ками поплелась за мистрис Мастерсон, которая уже вошла в дом. Она повела нас вверх по винтовой лестнице (надо признать, очень изящной). На стенах висели яркие картины: портреты членов семейства Торн и другие, явно выбранные просто за красоту. Я узнала произведения некоторых художников и едва не замедлила шаг, чтобы внимательнее рассмотреть полотна, но вовремя сообразила, что отставать мне нельзя.

Комната, в которую нас привела мистрис Мастерсон, была недурно обставлена. Большое окно, выходящее в сад, обрамляли кружевные занавески. Еще здесь стояли три кровати с резными ножками и при каждой – лакированный туалетный столик. Увы, комнатка казалась слишком тесной для такого количества мебели, не говоря уже о трех жилищах! Но, судя по широко распахнувшимся глазам Тэмсин и Миры, они думали иначе.

– Чертовски большая! – вырвалось у Тэмсин.

– Извольте следить за языком. – Мистрис Мастерсон обвела нас троих взглядом, и ее лицо смягчилось. – Вы быстро привыкнете, девочки. А если вам повезет и вы будете прилежны, то, выйдя замуж в Новом Свете, вы сможете похвастаться собственной отдельной комнатой. Тогда уж вы сможете обставить ее по своему вкусу.

Мира провела пальцами по обоям в цветочек.

– Никогда такого не видела!

Мистрис Мастерсон раздулась от гордости.

– Почти все помещения особняка оклеены обоями: мы стараемся поддерживать высокие стандарты, не хуже, чем в столице. А теперь давайте-ка я отведу вас к остальным барышням. Вы сможете познакомиться с ними, пока я буду беседовать с мастером Джаспером и его сыном.

Мы оставили свои скудные пожитки в спальне и гуськом спустились вниз по лестнице; домоправительница возглавляла нашу маленькую процессию.

Очутившись на первом этаже, я осмотрелась по сторонам. Коридор особняка был оформлен в уже знакомом мне стиле: на стенах висели старые портреты предков Торнов, а на полу стояли вазы с цветочными композициями. Мистрис Мастерсон прошествовала в столовую – на мой взгляд, вполне изысканную, с полосатыми обоями и темно-зелеными коврами. Стол был накрыт белой скатертью с зубчатыми краями, на полотняных салфетках поблескивали фарфор и столовое серебро. Когда мы переступили порог, Тэмсин попыталась напустить на себя равнодушный вид, но при виде всего этого великолепия вытаращила глаза и разинула рот.

Я же сосредоточилась на тех, кто сидел за столом: семеро девушек резко умолкли при нашем появлении. Они казались нашими ровесницами и были очень миловидны. Пусть Блистательный Двор и объявлял, будто подбирает девиц, способных научиться вести себя по-аристократически, но мне сразу стало ясно, что немалую роль при отборе играет именно внешность.

– Леди, – произнесла мистрис Мастерсон, – это Тэмсин, Аделаида и Мирабель. Они только что прибыли и присоединяются к нам. – Нам она вполголоса пояснила: – Остальные барышни приехали в течение последней недели. Сейчас, когда все собрались, мы уточним расписание и, разумеется, займемся гардеробом каждой из вас. Вы будете одеваться лучше, чем когда бы то ни было, и научитесь придерживаться стиля, подобающего дамам из высшего общества. – Она замолчала и смирila меня взглядом. – Хотя у тебя прическа очень неплохая, Аделаида.

Она пригласила нас сесть и отправилась поговорить с Джаспером и Седриком, а мы принялись молча и с любопытством рассматривать друг дружку. Я была на удивление голодной и гадала, когда же войдет лакей. Спустя пару минут я сообразила, что нам полагается самостоятельно себя обслуживать, взялась за ближайший чайник и впервые в жизни сама наполнила свою чашку.

На блюдах и в плетеных корзинах лежали свежие фрукты и рассыпчатая выпечка. Расчетливость Тэмсин и осторожность Миры не выдержали соблазна, и обе потянулись за пустыми тарелками. Я подумала, что они, вероятно, никогда прежде ничего подобного не ели: обе девушки оказались очень худыми. Может, они вообще редко ели досыта.

Я намеренно выбрала тарт с инжиром и миндалем, который требовал особого обращения. Его принято есть, предварительно нарезав на мелкие кусочки одинакового размера – и я воспользовалась паузой для того, чтобы рассмотреть моих сотрапезниц. Сперва я подметила схожесть их нарядов. Конечно, расцветка и материал были разными, но, насколько я могла судить, все девушки прошли через процесс подбора гардероба, о котором упомянула мистрис Мастерсон. Их красивые и кокетливые наряды отличались от практичного одеяния, которое досталось мне от Ады, однако качество ткани моего платья было как минимум не хуже, если не лучше. Одежда Миры и Тэмсин не могла соперничать с платьями девушек, хотя я и предположила, что сначала все новенькие имели жалкий вид.

Кстати, эти семеро девиц, похоже, уже усвоили азы этикета и сейчас пытались применить их на практике, правда, с разной степенью успешности. Пусть они и были прилично одеты и причесаны, но все они родились в семьях рабочих и торговцев... Лишь двум девушкам удалось справиться с набором столовых принадлежностей из десяти предметов. Некоторые не прилагали абсолютно никаких усилий и ели преимущественно руками. Многие заняли среднюю позицию, заметно путаясь в приборах, но явно пытаюсь вспомнить то, чему их за столь недолгий срок успела научить мистрис Мастерсон. Я с изумлением заметила, что Тэмсин тоже уплетает инжирно-миндальный тарт. В отличие от некоторых девиц, которые просто брали выпечку с тарелки и запихивали ее себе в рот, Тэмсин нарезала свой тарт безупречно и пользовалась правильными столовыми приборами. Поймав ее цепкий взгляд, я поняла, что Тэмсин просто копирует мои движения.

– Ты кто? – нахально спросила одна из подопечных «Голубого ключа». – Мирикосийка? Винизианка? Но ведь не... сирминиканка?

Не было никаких сомнений в том, к кому именно она обращается: глаза всех присутствующих устремились на Миру. Но она спокойно продолжала есть: девушка уже аккуратно нарезала лимонный рулет, хотя использовала вовсе не десертный нож и вилку. Никто не мог указать Мире на ошибку, а я, естественно, не собиралась об этом объявлять и выдавать себя с головой.

– Я родилась в городе Святого Света, да, – наконец, подтвердила Мира.

Санта-Луз. Величайший, старейший город Сирминики. Я узнала о нем из уроков истории, которые мне давала гувернантка. Санта-Луз много веков тому назад основали руванцы: там жили и правили философы и короли, а его памятники были действительно легендарными. По крайней мере, пока революция не изуродовала страну.

Девушка, сидевшая на дальнем конце стола, уставилась на Миру с нескрываемым презрением.

– Тебе за год от акцента не избавиться! – процедила она и многозначительно посмотрела на своих приятельниц. – Но в Новом Свете нужна прислуга. Тебе не понадобится много болтать: ты ведь будешь мыть полы.

У некоторых ее слова вызвали смешки, но другим стало неловко.

– Клара! – предупреждающе сказала ее соседка.

Я аккуратно положила вилку и нож, чтобы они образовали крест, как и положено делать аристократке, делающей перерыв в трапезе. Посмотрев на Клару, я небрежно осведомилась:

– Кто тебе сегодня делал макияж?

Удивленная моим вопросом, она перестала ухмыляться и с интересом уставилась на меня:

– Я сама.

Я удовлетворенно кивнула:

– Очевидно.

Клара нахмурилась:

– Что очевидно?

– Я знала, что это точно не мистрис Мастерсон.

Сидевшая рядом со мной девушка неуверенно произнесла:

– Мы здесь недавно. В косметике мы пока некомпетентны...

– Компетентны, – помогла я ей и улыбнулась. Бросив еще один взгляд на Клару, я снова занялась тартотом. – Что ж, вполне очевидно.

– А почему ты это повторяешь? – агрессивно рявкнула Клара.

Я продолжила напряженность, прожевав очередной кусочек, и только потом ответила:

– Мистрис Мастерсон никогда бы не посоветовала вам использовать такую косметику. Красные губы в Осфро давно не в моде. Благородные дамы пользуются коралловой или темно-розовой помадой. И ты нанесла румяна не на то место: их накладывают выше, на скулы. – (По крайней мере, так я слышала. Сама я пока еще макияж себе не делала.) – Ты их наложила очень грубо, поэтому кажется, что у тебя свинка. Глаза ты, правда, подвела ровно, но любая дама знает, что карандаш надо размазывать: тогда эффект будет нужный. Иначе глаза становятся похожи на пуговицы. Но абсолютно все, что ты выбрала, чересчур темное. Легкое касание дает гораздо лучший результат. То, как ты сейчас выглядишь... как бы выразиться повежливее... напоминает о даме сомнительного поведения.

У Клары на щеках появились пунцовые пятна, сделавшие ее неправильно наложенные румяна еще заметнее.

– Кого?

– Проститутку. Это – еще один термин, означающий «шлюха», – проговорила я суховатым тоном – таким, каким моя бывшая гувернантка объясняла бы правила руванской грамматики. – Однако я могу рассказать тебе более подробно. Дама сомнительного поведения или проститутка продает свое тело ради...

– Знаю! – воскликнула Клара, залившись краской.

– Но, – добавила я, – я попробую тебя утешить: ты выглядишь как высококлассная специалистка. Такие обычно работают в дорогих борделях, где девушки поют и танцуют. Не как те бедняжки, которые стоят возле грузовых судов. Они даже не могут себе позволить настоящую косметику и обходятся самыми дешевыми и примитивными средствами. Радуйся, что не упала настолько низко. – Я сделала паузу. – О! Между прочим, ты выбрала неправильную вилку.

Клара воззрилась на меня с открытым ртом, а я приготовилась к ответному удару. Я его вполне заслуживала – но и Клара определенно получила от меня по заслугам. Я плохо знала Миру, но что-то в ней меня зацепило: примесь печали, спрятанной за гордостью. А Клара была похожа на тех, кто любит помыкать другими. Мне такой тип людей был хорошо известен. Оказывается, они существуют в любых слоях общества.

В общем, я несколько не сожалела, что поставила ее на место.

Я отрезала себе кусочек тарта, но внезапно похолодела: взгляды всех девушек разом устремились мне за спину. Мой желудок свело, и я медленно повернула голову... Странно, но я почему-то вовсе не удивилась, увидев в дверях столовой мистрис Мастерсон и обоих Торнов. Я не знала точно, когда они здесь появились – но, судя по их потрясенным лицам, слышали они достаточно.

Никто из них ничего не сказал. Седрик и Джаспер присоединились к нам, и трапеза продолжилась в абсолютном молчании. Мне безумно хотелось сжаться в комочек, но я помнила, что аристократка всегда должна сидеть прямо. Атмосфера и прежде была напряжен-

ной, а теперь она на меня буквально давила. Я жалела, что быстро доела свой тарт, поскольку теперь мне нечем было заняться, а глазеть по сторонам я не хотела. В итоге я налила себе еще чашку чая и без остановки его помешивала, пока Торны не встали из-за стола и мистрис Мастерсон разрешила нам разойтись по комнатам.

Я поспешила уйти одной из первых: хотелось надеяться, что если я скроюсь с глаз мистрис Мастерсон, то она забудет вызывающую сцену, свидетельницей которой невольно оказалась. У нее ведь наверняка хватает других забот. Девушки тоже направились к винтовой лестнице. Я собиралась подняться по ступеням, но в последнюю секунду заметила красочное пятно на противоположной стене. Все сосредоточенно расходились к себе и не обратили внимания, что я отошла от лестницы. В дальней части просторного холла находилась дверь в гостиную – а рядом с ней висело несравненное полотно!

Подойдя ближе, я узнала художника. Флоренсио. В Осфро, в Национальной галерее имелся его шедевр, который всегда манил меня к себе. Флоренсио был сирминиканским живописцем, который прославился пейзажами своей родины. Меня поразило, что его произведение находилось в загородном особняке Джаспера. Хорошенько изучив картину, я решила, что она относится к раннему периоду творчества Флоренсио. Некоторые приемы мастера были еще не столь отточенными, как на картине из столичной галереи. Однако это полотно было великолепно, хоть мелкие погрешности и могли объяснить, почему оно здесь оказалось.

Я еще немного полюбовалась пейзажем, вновь пытаюсь разгадать манеру Флоренсио. Вдохнув, я решительно направилась к лестнице, но неожиданно замерла: в мою сторону шли Седрик и Джаспер! Они пока меня не замечали: оба были поглощены разговором. Я быстро шагнула за угол и вжалась в нишу у двери в гостиную, которой из вестибюля не было видно.

– ...я знал, что будет подвох, – вещал Джаспер. – У тебя было два шанса, Седрик, и ты оба упустил.

– А ты не преувеличиваешь? – парировал Седрик.

Его тон был спокойным, даже сдержанным, но я ощутила, насколько он взвинчен.

– Ты слышал, как эта девица выражалась? – спросил Джаспер. – Кошмарно!

– О нет! Она все изложила весьма вежливо. Ни единого неприличного слова. – Седрик чуть помолчал. – А грамматика и дикция у нее и впрямь великолепные.

– Дело не столько в языке, сколько в отношении. Она – наглая и нахальная. Мужчин в Адории не нужны сварливые жены. Они хотят видеть рядом с собой мягкую, послушную молодую женщину.

– Слишком мягким в Адории не выжить, – возразил Седрик. – И она вступилась за Миру. По-моему, это благородно.

«Теперь понятно, – пронеслось у меня в голове, – значит, все слышали нашу перепалку целиком».

– Конечно, защита сирминиканки все оправдывает, – произнес Джаспер. – А той особе придется привыкнуть к тому, что ее принижают. Клара будет далеко не единственной.

– Мира не из тех, кто когда-то привыкнет к принижению, – заявил Седрик.

Я вспомнила, как сверкнули ее темные глаза, и мысленно с ним согласилась.

– Так или иначе, но ты профукал обе комиссии, Седрик. Почитай за счастье, если за них в Адории хоть сколько-нибудь предложат. И то если ты добьешься, чтобы Аделаида не открывала рта, пока мы ее не пристроим. Она красива и способна зацепить какого-нибудь дурня. Да и сирминиканка тоже, – проворчал Джаспер. – С глазами у тебя все в порядке, отдам тебе должное. Но насчет остального я не уверен. Зря я разрешил тебе вести в этом году вербовку. Лучше бы ты посещал занятия. Может, поумнел бы через несколько лет.

– Что сделано, то сделано, – резюмировал Седрик.

– Наверное. Ладно, мне нужно еще поработать с бумагами. Встретимся у кареты. Нам надо навестить «Лебединый кряж».

Я услышала, как шаги Джаспера стихли, и стала ждать, чтобы Седрик тоже убрался восвояси. Но он двинулся вперед – и оказался в поле моего зрения, остановившись перед картиной Флоренсио, которой я недавно восхищалась сама. Я затаила дыхание, надеясь, что Седрик меня все-таки не увидит. Однако спустя пару секунд он крутанулся на месте и заметил меня периферийным зрением! Не успела я и глазом моргнуть, как он влетел в мою тесную нишу и закрыл мне путь к отступлению своим телом.

– Вы! Ради Ожиля, что вы здесь делаете?

– Я... ну... готовлюсь стать частью новой аристократии.

– Я серьезно! Где Ада? – возмутился он.

– Ада давно уехала, – ответила я, пожимая плечами. – Поэтому придется обойтись мной. Кроме того, вы ведь вроде хотели снова меня увидеть?

– Тогда я имел в виду, что мне бы этого очень хотелось... – Он не закончил мысль и на мгновение смутился. Между нами промелькнуло бесчисленное множество несформулированных возможностей, но Седрик мгновенно овладел собой. – Миледи, это не игра. Вам не место в «Голубом ключе»! Я должен был привезти Аду.

– Говорю вам, Ада уже уехала. Я дала ей денег и отправила в дорогу. Она скоро будет радостно доить коров. – Моя реплика прозвучала нахально – нагло, как несомненно сказал бы Джаспер – но в душе я паниковала. Седрик прикрыл меня в Осфро, но сейчас все могло быть по-другому. – Я помогла вам тем, что приехала сюда. Да и Ада, вероятно, могла просто-напросто сбежать! Разве у вас не было бы неприятностей из-за того, что одной девушки не хватило?

– А вы хоть представляете себе, какие у меня будут проблемы, если выяснится, что я тайком увез графиню? Меня в тюрьму посадят! Если, конечно, ваш будущий супруг первым меня не убьет. – При виде моего изумления Седрик добавил: – Я осведомлен о вашей помолвке, миледи. Я читаю светскую хронику.

– Тогда вам следовало бы знать, что со стороны Лионеля никакой реальной опасности нет. Он не склонен к активным действиям, только постоянно расчесывает себе кожу.

– По-вашему, мое будущее – объект для шуток? Так вы забавляетесь на досуге?

Я встретила с ним взглядом и, не мигая, посмотрела в серо-голубые глаза Седрика.

– Но я настроена крайне серьезно. Сейчас решается мое будущее. Это – мой шанс стать свободной и сделать самостоятельный выбор.

Он покачал головой.

– Вы не понимаете, что вы сделали и чего ваш сумасбродный поступок может мне стоить. У меня на это столько поставлено! Вы не представляете, сколько...

– Пока это ничего вам не стоило. Помогите мне – не предавайте меня – и я буду вашей должницей. – Я вцепилась в его рукав. – Неужели вы никогда не испытывали такого чувства, когда в душе твердо знаешь, что должен что-то сделать или где-то оказаться? Со мной сейчас происходит именно так! Мне необходимо попасть в Адорию! Выручите меня – и клянусь, что я никогда не забуду вашей услуги!

По его губам скользнула мимолетная улыбка.

– Графиня Ротфордская могла бы сделать для меня значительно больше, чем простая девушка, уплывающая в Адорию.

– Не обольщайтесь. Графиня Ротфордская и для себя ничего сделать не могла, не говоря уже о других. – Я бросила на него взгляд из-под полуопущенных ресниц. – И не надо считать меня простушкой.

Он ничего не стал говорить и внимательно посмотрел на меня. Мы стояли очень близко друг от друга, и его взгляд ощущался как неловко-интимный.

– Могут возникнуть непредвиденные сложности, – тихо произнес Седрик, нарушив паузу.

– Сомневаюсь. – Я уперла руки в боки. – Все то, чему вы учите остальных девушек, мне прекрасно известно. Я могла бы вести занятия по этикету в вашем «Голубом ключе».

– Да. Вот здесь-то и кроется главная проблема. Вы чересчур воспитанны и образованны. Ваши манеры, речь... даже ваша прическа.

– Как мне надоело, что все только и твердят про мою прическу! – пробурчала я.

– Вы выделяетесь, ваше сиятельство. Вы очутились в мире, которого вы пока не понимаете, и не можете пользоваться теми привилегиями, к которым привыкли. Ваш титул не обеспечит вам доступ в высшее общество Адории. К вам станут по-другому относиться. Вас не будут воспринимать всерьез. И есть масса таких вещей, которые знают другие девушки, но о которых не догадываетесь вы. Например, вы сумеете разжечь огонь в камине? Да вы хоть самостоятельно одеться-то сможете?

– Кстати, я сама справилась с этим платьем, – сообщила я ему. – То есть... с пуговицами пришлось немного повозиться, но потом я разобралась.

Седрик на миг закатил глаза.

– Ваше сиятельство, вы не можете и вообразить...

– Аделаида, – поправила я его. – Если мы хотим, чтобы все получилось, вам надо называть меня именно так. Хватит титулов.

– Что ж, Аделаида, позвольте дать вам пару важных советов. Не нужно проявлять свои прекрасные манеры дамы из высшего света: вам незачем привлекать к себе излишнее внимание. Хорошенько думайте, прежде чем кого-то поправлять, даже если вам станет грубить Клара. – Седрик произнес ее имя таким тоном, что у меня создалось впечатление, будто он нисколько не возражал против того, что я поставила Клару на место. – И, главное, наблюдайте за новенькими девушками. Изучайте их поведение. Прислушивайтесь к тому, как они общаются между собой. Подмечайте любые мелкие детали. Одна ошибка – и нам обоим придется расплачиваться за нее всю оставшуюся жизнь. Вы способны ненароком выдать себя, совершенно того не замечая.

Я сглотнула. Внезапно мне стало ясно, сколько раз за сутки я уже оступалась. Дверца кареты. Тарт. Лекция о косметике. И да – моя прическа – она просто бросалась в глаза!

«Вы способны ненароком выдать себя, совершенно того не замечая».

– Послушайте! – горячо заявила я. – Я справлюсь! Обязательно! Я все буду делать правильно. Я получу дюжину предложений от адорийцев и принесу вам рекордную комиссию.

– Вам не стоит выделяться. – Седрик помолчал, и на его губах возникла слабая, но донельзя обаятельная улыбка. – Постарайтесь взять себя в руки.

– Вы сказали, что для вас от этого очень многое зависит. А что именно? Не только комиссионные деньги?

Он снова посерьезнел.

– Вас не должны беспокоить мои дела. Если вы попадете в Адорию под видом простолюдинки, тогда мы оба, вероятно, уцелеем. – Он осмотрелся по сторонам. – Нам пора. Вас хватятся.

Я вспомнила о том, как резко с ним говорил Джаспер, как он раскритиковал решения Седрика. Однако я понимала, что данную тему лучше не затрагивать, и спросила:

– Вы больше ничего мне не посоветуете?

Седрик опять повернулся ко мне и обвел взглядом, который показался мне чересчур пристальным, – хотя теперь он смутил меня гораздо меньше, как и то, что мы стояли столь близко друг от друга.

– Посоветую, – медленно произнес Седрик. Подняв руку, он обернул один из моих локонов вокруг пальца, случайно дотронувшись до моей щеки. – Сделайте что-то со своими

волосами. Взлохматьте. Стяните лентой на затылке. Что угодно! Постарайтесь выглядеть немного неопрятной, а не так, словно вас собираются представить ко двору.

Я вскинула подбородок.

– Во-первых, у меня сейчас не придворная прическа – и вы бы это знали, если бы имели контакт со старой аристократией. И во-вторых – я могу специально провалить дюжину заданий по этикету... но быть неопрятной? Вряд ли я способна пойти на такие жертвы.

Его улыбка вернулась, став теплее и шире.

– Почему-то я не удивлен. – Он изобразил поклон, который стал почти пародией на тот, который он адресовал мне при нашем первом знакомстве. – Да встречи, ва... Аделаида.

Седрик осторожно заглянул за угол – и направился в вестибюль. Я немного выждала и последовала его примеру. Я надеялась, что успею его увидеть, но Седрик уже скрылся из виду. Ладно, может, оно и к лучшему. Выбросив Седрика из головы, я поднялась по винтовой лестнице, готовясь к моей новой жизни в Блистательном Дворе.

Глава 5

Я вернулась в спальню, плохо представляя, чего мне ожидать. Меня до сих пор трясло после встречи с Седриком: я была невероятно близка к полному провалу! Глубоко вздохнув, я расправила плечи и открыла дверь.

Меня встретила гробовая тишина. Две мои соседки сидели каждая на своей кровати. Мира подтянула колени к груди, устроив нечто вроде пюпитра, на который водрузила потрепанную книгу. Тэмсин сидела, поджав под себя ноги, и лихорадочно писала... похоже, письмо. При виде меня она поспешно сложила листок. Не знаю, было ли это простым совпадением, но обе девушки выбрали кровати, стоявшие у противоположных стен комнаты.

– Надеюсь, ты не возражаешь против места у окна, – вымолвила Мира. – Тэмсин боится, что там у нее цвет лица испортится.

Тэмсин дотронулась до своей щеки кончиками пальцев.

– А ты в курсе, что солнечный свет творит с веснушками? Хотя сейчас это не важно. Что стряслось внизу? Тебя ведь не выставили?

Я присела на край кровати, стоявшей как раз возле окна, – той самой, которая приводила к появлению веснушек.

– Не выставили. – Я едва не сказала, что мистрис Мастерсон вообще меня не ругала, но вовремя опомнилась, что тогда мне придется объяснять, чем я была в действительности занята. – Мне... э... сделали выговор.

– Тебе еще повезло! – заявила Тэмсин. – Но это вроде как все меняет. Что же мне теперь с тобой делать?

Я недоуменно заморгала.

– Ты тоже мне выговариваешь?

– Нет. То есть да. Не знаю. Не уверена, что связь с двумя нарушительницами спокойствия пойдет мне на пользу.

Мира явно изумилась:

– А я-то что натворила?

– Пока ничего. – Тэмсин казалась раздосадованной. – Но ты-то сама видела, что началось уже через пять минут после того, как мы принялись завтракать. Такие девицы, как Клара, тебя в покое не оставят!

– Видимо, ты хочешь взять Клару в сообщницы, – сказала я.

– Ха! Конечно, нет. Но мне надо разработать стратегию. Мне нельзя провалиться.

На последних словах голос у нее чуть задрожал. Я поняла, что Тэмсин просто-напросто боится, а ее заносчивость – явно напускная. Мира тоже кое-что уловила.

– Ты не провалишься, – доброжелательно произнесла она. – Только ничего не запускай. Седрик сказал, что если мы сдадим экзамены, то нас точно отправят в Адорию.

От меня не укрылось то, что Мира назвала его по имени, без всякой выражающей уважение приставки.

– Послушайте, вы обе! – Тэмсин посмотрела на сложенный листок, который держала в руке, и сурово уставилась на нас с Мирой. При этом ее вторая рука сжалась в кулак. – Мне нужно стать лучшей в поместье! Нет! Лучшей во всех поместьях! И мне надо обязательно добиться самого удачного брака в Адории – выйти за самого богатого мужчину, который будет готов для меня на все! А если мне придется перегрызть кому-то горло? Плевать! Ну и пусть!

– А зачем перегрызать горло, когда у тебя есть я? Если хочешь быть лучшей, то тебе следует положиться на меня. Я уже выучила наизусть половину правил хорошего тона, потому

что работала в доме у знатной дамы. Держись меня – и тебе гарантирован успех. Держись нас обеих, – добавила я, покосившись на Миру.

Она по-прежнему оставалась для меня загадкой, хотя меня не покидало странное чувство общности. Я и про Тэмсин мало что знала, если не считать ее готовности сражаться до последнего (что не особо меня удивило после нашего недолгого общения). Однако слова Седрика произвели на меня глубокое впечатление: я понимала, насколько мне важно не оплошать и не выдать себя с головой. У меня будут реальные шансы на успех, если я заручусь поддержкой.

Но подходили ли Мира и Тэмсин на роль «группы поддержки»? Не знаю... Правда, в качестве соседок по комнате на ближайший год они, наверное, являлись самыми удачными кандидатурами.

– Думаю, ты не единственная, кто настроился перегрызть сопернице глотку, – продолжила я. С некоторых пор мои способности к убеждению часто давали сбой, но после того, как мне удалось уговорить Седрика встать на мою сторону, я снова обрела уверенность в себе. – Ты должна понимать: другие будут безжалостны, особенно если ты станешь лучшей.

– Сейчас нет никаких «если», – фыркнула Тэмсин.

– Возможно. Но ведь кто-то вроде Клары, конечно же, скоро на тебя нацелится. И ты, надеюсь, сообразила, что Клара способна окружить себя приспешниками. У нее повсюду будут глаза и уши – поэтому тебе тоже следует ими обзавестись. А вдруг Клара унижится до саботажа? Пусть ты считаешь меня нарушительницей спокойствия, но при этом я такая нарушительница спокойствия, которая отлично разбирается в марочных винах и этикетках бутылок с надписями *sec*, *demi-sec* и *doux*¹.

– Деми... что? – пролепетала Тэмсин.

Я торжествующе скрестила руки на груди:

– Вот именно.

– А ты и впрямь неплохо осведомлена. Зато я – лидер. – Тэмсин грозно посмотрела на Миру: – А что можешь предложить ты?

Когда Мира молча выдержала ее взгляд, я подсказала:

– Мира, между прочим, имела опыт выживания в зоне военных действий. Почему-то я сомневаюсь, что в «Голубом ключе» будет сложнее.

Судя по лицу Тэмсин, она пыталась взвесить все «за» и «против». Однако прежде чем разговор успел продолжиться, к нам в дверь постучали. Порог спальни переступила мистрис Мастерсон с перекинутой через руку одеждой.

– Девочки, я принесла вам дневные платья, которые вы можете примерить. Мы подгоним их позже. Наденьте их, умойтесь и спускайтесь на первый этаж через пятнадцать минут. – Ее взгляд упал на меня. – Аделаида, я рассчитываю на то, что от тебя никогда не последует высказываний столь... откровенного характера. Торны платят мне жалованье за то, что я делаю из вас примерных юных леди. Я не желаю, чтобы моя репутация была подпорчена подобными дикими выходками.

– Да, конечно. – Под ее выжидательным взглядом я добавила: – Сударыня. – Но моих слов оказалось явно недостаточно, чтобы освободить меня от строгого взгляда домоправительницы, так что я неуверенно промямлила: – Извините меня...

В моем положении мне редко приходилось просить прощения, и я плохо представляла, каким образом это делается.

Мастерсон поджала губы и перевесила платья и сорочки на спинку стула.

– Пожалуйста, в следующий раз подумай, прежде чем говорить.

Я кивнула. Такой совет моя бабушка давала мне уже много лет подряд.

¹ Сухое, полусухое, сладкое (франц.). (Здесь и далее – прим. ред.).

Когда мистрис Мастерсон удалилась, Тэмсин бросилась к вороху одежды и начала его перебирать. А Мира пристально посмотрела на меня:

– Кажется, ты говорила, что она тебя уже отругала?

Я криво улыбнулась:

– Наверное, мистрис Мастерсон хотела проверить, что я усвоила урок. А может, решила выставить меня перед вами в неловком виде.

Тэмсин застонала, заставив нас обеих вздрогнуть.

– Нет! Оно чересчур длинное!

Она приложила к себе кремовое платье с зелеными цветочками. Я подошла к стулу.

– Надень это. Оно короче.

Тэмсин презрительно посмотрела на яркий ситец кирпичного оттенка.

– Не мой цвет! Я думала, горничной следует знать, что к рыжим волосам оранжевый не подходит.

– Тэмсин, в плохо сидящем платье ты будешь выглядеть гораздо хуже. Даже неряшливо.

Тэмсин секунду колебалась, а затем выхватила у меня ситцевый наряд и кинула мне платье с зелеными цветочками. Мне оно тоже оказалось длинновато, поэтому я вручила его Мире – самой высокой из нас. В результате мне досталось шерстяное платьишко в серую полосу.

Мира и Тэмсин начали быстро раздеваться, а я попятилась в абсолютном смущении. Полагаю, я выглядела глупо, но ведь меня с детства одевали горничные и камеристки. Это было в порядке вещей: прислуга должна была выполнять свои повседневные обязанности. Нынешняя ситуация стала напоминанием о том, что у меня больше нет возможности уединиться. Комната сразу показалась мне тесной, стены словно надвинулись на меня.

Я повернулась к девушкам спиной и начала сражаться с массой пуговиц, которые уже создали мне столько трудностей. К счастью, расстегивать их оказалось чуть проще, чем застегивать, хотя петли были спрятаны под краем ткани и требовали определенной сноровки. И, боги милосердные, неужели везде требовалось по два ряда пуговиц? Когда я добралась до конца застежки, то оглянулась и увидела, что Тэмсин и Мира изумленно таращатся прямо на меня. Обе девушки уже щеголяли в обновках, принесенных мистрис Мастерсон.

– Ты – наша главная надежда, да? – съязвила Тэмсин.

– Все не так просто, как кажется, – возразила я. – Оно явно сшито по самой свежей выкройке из модного журнала. Мне нужно привыкнуть...

Я вновь от них отвернулась и принялась судорожно, но быстро выпутываться из синего платья Ады. Сорочка Ады была лучшего качества, чем та, которую подобрала домоправительница, но я решила снять и ее и в конце концов облачилась в светло-серый наряд целиком.

– Они что... рваные? – вдруг произнесла Мира, рассматривая свои рукава с прорезями.

Я лишь пожала плечами. Мне стало ясно, что обе девушки привыкли считать сорочку нижним бельем. Более того – я почти не сомневалась, что у Миры под платьем ее вообще не было. К слову сказать, наши одеяния были того же фасона, какой мне неоднократно случалось носить (однако портнихи шили мой гардероб из исключительно дорогих тканей), – и сорочку следовало демонстрировать как часть наряда. И хотя я, разумеется, знала, как нужно выглядеть даме в обществе, я была не столь уверена в том, каким образом можно добиться нужного эффекта. Я постаралась объяснить все Мире и Тэмсин, и после нескольких отчаянных попыток нам все же удалось придать себе вполне модный вид.

Ну а если говорить обо мне... Что ж, полупрозрачные рукава моей сорочки были вытянуты фонариками из разрезов рукавов, создавая цветовой контраст, а кружево на горловине наполовину выглядывало из-под корсажа.

На все прихорашивания ушло время – и вниз мы спустились последними. Мы не опоздали, но пристальный взгляд мистрис Мастерсон свидетельствовал о том, что оттягивать свой приход не следовало. Однако когда она оценила наш облик, ее лицо просветлело.

– Вы трое прекрасно справились с сорочками, – одобрительно заметила она. – Я пытаюсь научить остальных уже неделю, но они просто комкают ткань.

Я адресовала мистрис Мастерсон самую милую улыбку.

– Спасибо, мадам. Мы будем рады прийти на выручку остальным девушкам, если у них и будут подобные проблемы. Похоже, у Клары на спине сорочка совсем скомкалась. Я могу помочь ей после сегодняшних занятий.

Клара бросила на меня ненавидящий взгляд. Я обратила внимание на то, что она стерла с себя почти всю косметику.

– Очень мило, – произнесла мистрис Мастерсон. – И такое отношение меня несказанно радует. Многие барышни, к сожалению, пытаются вцепиться друг другу в горло. Мира, что-то случилось?

Мира прижала ладонь к губам, чтобы не расхохотаться.

– Нет, мадам. Просто закашлялась.

Мистрис Мастерсон недоверчиво посмотрела на Миру и взмахом руки пригласила нас всех проследовать за ней в музыкальный салон. Мира и Тэмсин пристроились по обе стороны от меня.

– Это было чересчур, – шепнула мне Тэмсин.

Но она тоже улыбалась – на сей раз не наигранно и без расчета.

Я усмехнулась в ответ:

– Наилучший. Шанс.

* * *

Так началась моя жизнь в качестве простолюдинки – и дни пролетали неожиданно быстро.

Седрик напрасно опасался, что меня выдаст прическа. Я никогда в жизни не укладывала волосы самостоятельно и после первого мытья уже не смогла повторить то, что красовалось на моей голове в день моего приезда в «Голубой ключ». Однако никто, в принципе, и не требовал от новичков парикмахерских ухищрений: мы должны были лишь аккуратно стягивать волосы в пучок или заплетать косы. И то и другое давалось мне с переменным успехом. Частью моего повседневного облика стала обычная растрепанность.

Зато Седрик оказался прав относительно других вещей. Мистрис Мастерсон сразу же начала усердно готовить нас к тому, чтобы за год мы превратились в великосветских дам. Конечно же, мы оказались избавлены от множества обязанностей, которые были не в новинку подопечным домоправительницы «Голубого ключа», но надо признать – некоторые из их старых привычных навыков мне не давались. Но я следовала совету Седрика: жадно наблюдала за девицами и старательно пыталась им подражать. Иногда я терпела на этом поприще поражение.

– Хватит мешать! – закричала Тэмсин.

Пролетев через кухню, она вырвала у меня из руки ложку.

Мы жили в поместье уже месяц и привыкли к нашему повседневному расписанию. Я указала на раскрытую поваренную книгу, лежащую на столе.

– В рецепте написано «соедините масло и муку».

– Это не значит перемешать. Тесто будет густым, как глина.

Я пожала плечами, не понимая, что Тэмсин имеет в виду. Она оттеснила меня от стола и взялась за дело сама.

Странно, что в «Голубом ключе» мне пришлось осваивать кулинарное искусство! Предполагалось, что в Адории у нас будут свои повара. Тем не менее ожидалось, что хозяйка большого дома должна руководить процессом готовки и будет наставлять слуг относительно самых сложных кушаний. «Шедевры», которые мы создавали на кухне, выходили за рамки незатейливых блюд, с которыми девушки были знакомы с детства, но с основными приемами мои подруги прекрасно справлялись и без указаний преподавательницы. А вот я никогда в жизни не занималась стряпней – равно как и не руководила работой на кухне. У нас дома имелась старшая прислуга, которая надзирала за своими подчиненными – низшими по знанию.

Я смотрела, как Тэмсин ловко рубит масло и кладет мелкие кусочки на доску, посыпанную мукой.

– Дай я попробую, – попросила я.

– Нет, ты опять все испортишь! Мы еще не забыли, что случилось, когда ты «обварила» спаржу.

– Послушай, «обварить» и «обваливать» – похожие слова, – процедила я сквозь зубы.

Тэмсин насупилась.

– Я не хочу провалить наш первый экзамен по кулинарии. Нет уж! Кроме того, Клара вчера получила самые высокие оценки! Ступай и отмерь изюм. Мира, ты не подогреешь сливки вместо меня?

Мира передвинула ко мне плошку с изюмом, обменявшись со мной смеющимся взглядом. Мы с ней уже привыкли к распределению ролей и успели сблизиться. Несмотря на первые заявления Тэмсин, неформальным лидером нашей компании стала я – хотя мы часто позволяли Тэмсин диктовать общую линию поведения. Так было проще, чем идти ей наперекор. Каждой из нас хотелось добиться успеха, но открытое честолюбие Тэмсин и ее бритвенно-острая сосредоточенность заставляли нас с Мирой следовать такому темпу, который мы без Тэмсин не выдержали бы. Ее поддержка оказалась полезной, но излишняя дотошность Тэмсин порой заставляла меня нервничать. Она редко что-то упускала из виду.

– И как ты выживала в особняке своей госпожи? – спросила она, с удовлетворением глядя на получившееся рассыпчатое тесто.

Этот вопрос мне задавали, наверное, сотню раз. Я подозревала, что являюсь не только непризнанным лидером, но и источником развлечения: благодаря моему остроумию и оплошностям.

Я опять пожала плечами.

– У меня не было таких обязанностей. Готовкой занимались другие.

Я не лгала. Может, Ада и должна была помогать на кухне, пока она росла в доме у матери, но у нас она этого никогда не делала.

– Я шила и штопала. Одевала госпожу. Укладывала ей волосы.

Тэмсин и Мира выразительно выгнули брови. Мои попытки сделать прическу они видели!

Я поспешно перевела разговор с опасной темы, увидев, что Тэмсин собирается выставить для нашей выпечки керамическое блюдо.

– Нет, возьми стекло, – сказала я.

– На кой черт... то есть зачем?

Хотя Тэмсин в выборе слов за этот месяц добилась немалых успехов, иногда она перегибала палку.

– Сейчас выпечку подают в стеклянной посуде, посыпав сахаром и лишним изюмом.

Пусть с повседневными обязанностями у меня и возникали проблемы, зато я была профессионалом по мелким, но важным деталям и знала то, до чего наши учителя пока не добрались. Именно так получилось тогда с сорочками. Тэмсин прищурилась, запоминая услышан-

ное. Вот почему она закрывала глаза на мои недостатки, как реальные, так и напускные. Подобные мелочи давали нам преимущество, что и выяснилось позже, когда преподавательница кулинарного искусства пришла проверить наш результат.

– Как мило! – восхитилась она, любуясь созданными мной изящными завитками сахара на стеклянной тарелке. – Никто из девушек не уделил внимания подаче, а ведь она очень важна – так же, как и качество пищи. Зрительное удовольствие – это часть вкусовых ощущений, барышни.

Мы не видели, что именно она занесла в свой листок, но ее довольное лицо свидетельствовало о многом. Тэмсин с трудом спрятала самодовольную ухмылку.

– Теперь она будет невыносима, – шепнула мне Мира по дороге на урок танцев и кивнула на Тэмсин, которая уже хвасталась какой-то девице нашими оценками. – Она ведь делает это из вредности: знает, что Кларе передадут.

– По-твоему, Клара не заслуживает такого отношения с нашей стороны?

Клара продолжала досаждать Мире. Правда, она несколько снизила напор, когда поняла, что ссора с Мирой означает и столкновение со мной и Тэмсин.

– Я только хочу сказать, что не стоит раздувать мелочную вражду, когда в жизни и без того столько зла, с которым мы могли бы бороться.

Пусть Мира и была лишена лихорадочного напора Тэмсин, она быстро стала союзницей и подругой, прямоу которой я уже успела оценить. Мира обладала смелостью и спокойствием, а ее сила духа сдерживала и меня, и даже нервную Тэмсин. В общем, она стала той скалой, на которую мы обе могли опереться. У меня создалось впечатление, что интриги и драмы, разыгрывавшиеся в поместье, мало волновали ее после всех бед войны и последовавших за этим лишений в сирминиканском гетто в Осфриде. Слова Миры относительно зла в нашем мире были одним из редких намеков на ее прошлое.

Я не стала ни о чем ее расспрашивать, когда она замолчала, а просто взяла Миру под руку – и мы вместе вошли в бальный зал.

– С такими дипломатическими позициями тебе следовало стать монашкой. Закрыться в келье и медитировать.

– Медитацией со злом не справиться, – возразила она.

Я бы не удивилась, узнав, что она позаимствовала данную цитату из своего главного сокровища – старинной книги героических легенд, вывезенной из Сирминики.

Учительница танцев проводила по неделе в каждом из поместий, и именно на этих занятиях я была вынуждена сознательно приуменьшать свои способности. В отличие от остальных, меня учили танцам с раннего детства, а большинство девушек в «Голубом ключе» даже спустя месяц не могли научиться вальсировать. Но именно здесь мне и пришлось помнить предостережения Седрика, и я прилагала все усилия к тому, чтобы не привлекать внимания мисс Хэйворт... Честно говоря, я казалась ей безнадежно неумелой.

– Аделаида, – устало осведомилась она, – ты у нас за кавалера, верно?

Мы исполняли цепочку сложных фигур, для которых обычно по очереди играли роль партнеров мужского пола.

– Да, мадам, – подтвердила я. – Ведь нам положено делать это по очереди?

Она всплеснула руками:

– Разумеется, но сейчас твоя очередь танцевать за даму... Не забывай, что ты должна будешь посещать приемы и балы в Адории. Ты бедняжке Сильвии уже все ноги отдала.

– Ну теперь понятно!

Я тепло ей улыбнулась, и она занялась другими девицами. Может, Седрик и способен продать священнику отпущение грехов, зато я умею добиться того, чтобы преподаватели питали ко мне симпатию вопреки неуспеваемости.

Мы протанцевали еще пару туров и сделали перерыв, чтобы мисс Хэйворт провела свой печально знаменитый опрос. Я моментально насторожилась. Показывать плохие результаты уже не стоило: неудачниц ждало наказание в виде уборки или мытья посуды.

– Кэролайн, сколько проходов должно быть в лорандийском круге?

Кэролайн – главная подпевала Клары – неуверенно пробормотала:

– Три?

– Правильно!

И мисс Хэйворт обратилась к соседке Кэролайн, двигаясь вдоль шеренги. Когда настала моя очередь, я ответила абсолютно правильно, заработав недоуменный взгляд мисс Хэйворт, поскольку вопрос касался именно того танца, который я только что исполняла неверно. Однако, слегка пожав плечами, она последовала дальше.

– Мира, в каком туре на быстром темпе идет кружение?

Мира растерялась. Она от природы обладала талантом изящно двигаться и танцевать, но опросы преподавателей ставили ее в тупик. Мира трудилась гораздо усерднее всех нас: она лихорадочно наверстывала то, что остальные знали как урожденные жительницы Осф-рида, в особенности язык. Она столько времени тратила на отработку речи, что технические детали танцев затерялись где-то на втором плане.

Мисс Хэйворт повернулась ко мне спиной. Я поймала взгляд Миры и приподняла руку, выставив вверх четыре пальца.

– В четвертом, мисс Хэйворт.

Хотя акцент у нее до сих пор был заметным, но ее труды по совершенствованию в осфридском уже приносили свои плоды.

– Молодец!

Мисс Хэйворт пошла дальше, а Мира благодарно мне кивнула. Я улыбнулась в ответ, радуясь, что смогла ей помочь. Урок завершала отработка очередных танцевальных па. Естественно, я опять притворилась неуклюжей ученицей.

– Я все видела, – прошипела Клара, скользнув ко мне, пока мисс Хэйворт смотрела в другую сторону. – Ты подсказала ей ответ. Ты вечно так поступаешь! Когда у меня будут доказательства, я выведу на чистую воду и тебя, и сирминиканскую шлюшку!

– Не смей ее так называть! – огрызнулась я.

На лице Клары расцвело торжество. Но я хорошо научилась игнорировать ее выпады, поэтому ей все равно не удалось вывести меня из равновесия. А Клара жила раздорами и склоками.

– Интересно, почему? – осведомилась она. – Я, кстати, не вру! Я ничегошеньки не выдумываю.

– Конечно, выдумываешь, – заявила я. – Мира – одна из самых приличных девушек в «Голубом ключе», что ты и сама бы признала, не будь ты такой узколобой.

Клара покачала головой.

– А как, по-твоему, она сюда попала? Каким образом сирминиканская беженка сумела заполучить место в Блистательном Дворе, главная цель которого – готовить элиту из осфридских девушек?

– Седрик Торн разглядел ее потенциал.

Клара ухмыльнулась:

– Он не только это разглядел!

Внезапно я по-настоящему споткнулась, а не разыграла неловкость.

– Ты – лгуныя! Мне следовало бы пожаловаться на твои оговоры!

– Неужели? А ты не заметила, как он вьется вокруг нее во время своих визитов? Он ведь пошел против воли отца, чтобы ее сюда устроить, рискнул своей комиссией! Они заключили

делку. Мира с ним переспала за то, что он устроил ее сюда. Я слышала, как это обсуждали другие люди.

– Кто именно? – взвилась я. – Твои подружки-подхалимки?

– Болтай что хочешь, но от правды не уйдешь! Твоя сирминиканкая приятельница – мерзкая, бесстыдная...

Дальше я действовала не задумываясь. Клара подошла ко мне очень близко, чтобы не повышать голоса, и я воспользовалась ее промашкой, стремительно выбросив ногу и ударив девицу по щиколотке. Результат оказался впечатляющим: мы обе потеряли равновесие. Мелкие неприятности в бальном зале стали для меня делом обычным, а вот Клара была в числе лучших танцовщиц. Моя выходка заставила меня пошатнуться, я упала на спину и сильно ушиблась о столик. Однако меня утешило зрелище того, как Клара растянулась на полу, заставив всю нашу группу застыть на месте.

– Барышни! – воскликнула мисс Хэйворт. – Что случилось?

Я встала, разглаживая платье, которое зацепилось за причудливую ручку на ящике лакированного стола.

– Прошу прощения, мисс Хэйворт. Виновата именно я. Простите, я очень неловкая!

Мисс Хэйворт сердито посмотрела на меня.

– Как можно так хорошо усваивать теорию и не демонстрировать ее на практике? И... ох, смотри: ты порвала платье! Нам обеим попадет от мистрис Мастерсон!

Я опустила глаза и с огорчением убедилась, что она права. Пусть наши платья не были из шелков и бархата, в которых я прежде щеголяла, но они стоили Блистательному Двору немалых денег. Нас приучали их беречь. Похоже, унижение Клары обошлось мне дороже, чем я рассчитывала.

– Ладно, – добавила мисс Хэйворт и вздохнула. – К счастью, все будет легко исправить. Можешь быть свободна, Аделаида. Тебе нужно привести платье в порядок.

Я недоуменно на нее воззрилась:

– Что-что?

– Платье совсем нетрудно заштопать, и ты даже не опоздаешь к мистеру Брикеру на урок.

Я остолбенела: смысл ее слов медленно до меня доходил.

– Платье совсем нетрудно заштопать, – медленно повторила я.

На лице мисс Хэйворт отразилась досада:

– Да, Аделаида. Ступай!

Повинуясь ее приказу, я удалилась, чуть утешившись негодованием Клары. Когда я оказалась в вестибюле, то уставилась на дыру, которая зияла на юбке, и почувствовала отчаяние. Для любой другой девушки заштопать ее было, наверное, просто... для любой, кроме меня. Я иногда садилась за очень сложную тонкую вышивку, и если бы мисс Хэйворт попросила меня вышить на платье цветы, я бы сразу справилась с заданием. Я и понятия не имела, как заштопать дырку, однако послушно взяла один из наборов для шитья и направилась в спальню.

Там как раз убиралась служанка. Не желая демонстрировать ей свое неумение, я вернулась на первый этаж и решила устроиться в музыкальном салоне. Он пустовал: до урока музыки оставалось еще дня два. Я расшнуровала лиф, выскользнула из своего наряда и усеялась на диванчик, положив на колени ткань разорванным местом вверх. Это была тонкая нежно-розовая шерсть, подходящая для прохладной весенней погоды. Материя оказалась грубее нежных шелков, с которыми я раньше имела дело, так что я выбрала иголку потолще и погрузилась в работу.

Когда я занималась вышиванием, то нитки в иголку мне всегда вставляли камеристки, поэтому и на это ушло немало времени. А начав шить, я сразу поняла, что все и впрямь

безнадежно. Я не знала, как надо штопать юбку. Стежки у меня получались неодинаковыми и кривыми, а ткань собиралась морщинками. Я замерла, мрачно рассматривая результат. Мои отговорки насчет обязанностей горничной теперь не сработают. Может, сказать, что меня выгнали именно из-за неумения шить?

Мои размышления прервал звук открывающейся двери. Я испугалась, что кто-то решил меня проведать, но, к моему глубокому изумлению, это оказался Седрик. Вспомнив, что я в одной сорочке, я моментально крикнула:

– Убирайтесь!

Вздрогнув, он отскочил назад и едва меня не послушался. Но, похоже, любопытство победило.

– Погодите, Аделаида! Почему вы здесь? Вы же... вы...

– Полуголая? – Я прикрылась платьем. – Да. Вы правы.

Седрик закрыл дверь, посмотрев на меня скорее с любопытством, чем с возмущением.

– Вообще-то, я хотел спросить – вы шьете? Типа, иголкой, да?

Я вздохнула: мое раздражение пересилило смущение. Но он-то что делает в «Голубом ключе»? Как-никак с момента нашего приезда Седрик побывал в поместье лишь пару раз.

– Вы не могли бы уйти, пока ситуация не стала еще хуже?

Однако он подошел ближе и мельком взглянул на платье, которое я прижимала к груди. Порванная юбка висела над моим коленом, и Седрик присел на корточки, чтобы получше ее рассмотреть.

– А вы действительно шили, – протянул он. – Вернее, пытались...

Его суховатых слов оказалось достаточно, чтобы я опомнилась. Я перестала обращать внимание на то, что он оказался так близко от меня, и отдернула порванную юбку.

– Можно подумать, у вас получилось бы лучше.

Седрик выпрямился и сел на диван рядом со мной.

– Вы не ошиблись. Дайте-ка мне посмотреть.

Я колебалась, не желая расставаться с импровизированным покрывалом и демонстрировать свою работу, однако в конце концов отдала Седрику платье. Моя сорочка была темно-синей, но легкая ткань явно не соответствовала правилам приличия. Я скрестила руки на груди, немного отодвинулась и придала лицу невозмутимое выражение.

– Вы взяли иголку для простегивания, – произнес Седрик, распуская мои кривые стежки. – Хорошо хоть, что дырки не прокрутили.

Сменив иголку на более тонкую, Седрик ловко продел в нее нитку, пока я изумленно гладела на него. Затем вывернул юбку наизнанку и начал шить аккуратными мелкими стежками.

– Где вы этому научились? – вырвалось у меня.

– В университете нет заботливых служанок. Мы сами вынуждены штопать свои вещи.

– А почему вы не в университете?

Седрик оторвался от своего занятия и поднял голову, посмотрев на меня в упор.

– Сегодня лекций нет. Отец отправил меня за отчетом в «Голубой ключ» и в «Данфорд».

– Не сомневаюсь, у вас найдется что сказать о моих успехах.

Седрик улыбнулся и опять принялся за штопку. Волосы у него сейчас были распущены и обрамляли лицо мягкими каштановыми волнами.

– Боюсь даже спрашивать, как у вас такое получилось.

– Снова защищала честь Миры. – Я почувствовала легкий укол боли, вспомнив суть обвинения и ту роль, которая при этом отводилась Седрику. Мне пришлось потупиться. – Клара была в своем обычном злобном репертуаре.

Седрик приостановился и нахмурился.

– Миру продолжают донимать?

– Меньше, чем вначале, но пока еще травят. Правда, она хорошо держится.

– Не сомневаюсь, – отозвался он. – У Миры – сильная воля. Ее трудно сломить.

Он вновь вернулся к шитью, а я ощутила странную сосущую боль в животе. Седрик говорил о Мире уважительно... и даже с теплотой. У меня сильнее сжалось сердце, когда он добавил:

– Надеюсь, что вы и дальше будете ей помогать. У меня поулавится поводов для беспокойства, если я буду знать, что у Миры есть храбрая защитница. Только глупец попытается пойти вам наперекор. Я бы определенно не отважился встать у вас на пути.

Я не могла принять его похвалу. Внезапно я стала мучиться сомнениями и подозрениями.

Неужели Клара права и Мира попала сюда, переспав с Седриком?

Он относится к ней без того безразличия, которое может вызывать удачное приобретение. Он восхищался Мирой и тревожился за нее. Клара права: забрав Миру с собой, он сильно рисковал.

Но мне не хотелось так думать про спокойную и стойкую Миру, в каждом поступке которой ощущаются гордость и сила.

И мне не хотелось так думать про Седрика...

Разглядывая его профиль – изящные скулы и мягкий изгиб губ, – я почувствовала, что к моему горлу прямо из живота поднимается ледяной ком. Мне вдруг представилось, как губы Седрика прижимаются к телу моей подруги, как его длинные пальцы зарываются в ее роскошные волосы. Я судорожно сглотнула, стараясь справиться с непонятным отчаянием, которое захлестнуло меня с головой.

Седрик снова поднял взгляд на меня – и явно смягчился.

– Эй, не переживайте. Никто ничего не узнает.

Вероятно, я не скрыла своих чувств, но он неправильно их истолковал. Я покраснела, пробормотав неискренние слова благодарности, которые резко отличались от нашего обычного обмена колкостями.

– Готово, – заявил он через несколько минут и расправил платье. – Как новое!

Вглядевшись в ткань, я с облегчением вздохнула. Шов оказался практически незаметен – его можно было различить лишь при ближайшем рассмотрении. Надо надеяться, что этого будет достаточно и мистрис Мастерсон ничего не заметит. Я взяла платье, отвернулась от Седрика и натянула наряд. Удивительно: за столь краткий срок ткань пропиталась легким и теплым ароматом ветивера, который всегда исходил от Седрика.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы привести себя в порядок: застегнуть крохотные перламутровые пуговицы на лифе, разгладить юбки... Затем последовала утомительная возня с контрастной сорочкой, чтобы та выглядела отовсюду, как и положено. Когда я, наконец, обернулась, Седрик улыбался.

– Вы подглядывали за мной? – возмутилась я.

– Не нервничайте, я ничего не увидел, – отозвался он. – Не считая того, что я понял, насколько хорошо вы научились одеваться сами. По-моему, наша школа хороших манер себя оправдывает.

– Это вас надо отправить в школу хороших манер! – парировала я, направляясь к двери. – У вас нет ни малейшего понятия о благопристойности.

– И это я слышу от девицы, которая позволила мне войти.

– Я сказала вам убираться восвояси! А вы все проигнорировали и ворвались сюда, несмотря на мое... в общем, на мой облик.

Веселая и самоуверенная ухмылка вновь заиграла на его губах.

– Не волнуйтесь, о вашем промахе легко забыть.

– Конечно! – обиженно фыркнула я. – Но это не должно мгновенно улетучиваться из памяти!

– Вы предпочли бы услышать от меня, что я забуду недавнюю сцену, но только сперва порядком помучаюсь и настрадаюсь?

– Да.

– Ладно. Договорились.

Мы расстались, и я убежала в гостиную, где мистер Брикер давал нам уроки истории и современной политики. Дверь оказалась приоткрыта, но я задержалась в коридоре, не спеша переступить порог. Мне не хотелось получить очередной выговор из-за опоздания, кроме того, я скучала на лекциях мистера Брикера. Он нудно вещал про аланзанскую ересь и про то, как текущее положение вещей тревожит представителей осфридской церкви.

По его словам, добропорядочные урособоязненные люди знали, что шесть великолепных ангелов служили Уросу с первого дня творения, а шесть ангелов-отступников пали и превратились в демонов. Аланзане поклонялись всем двенадцати ангелам, и темным, и светлым, вознося их почти до уровня бога Уроса в своих кровавых, страшных ритуалах.

С этим учением я была знакома не понаслышке: данная тема активно обсуждалась в светских салонах. Было принято изумляться такому, а потом отвергать, как нечто дикое, и сетовать на людское невежество. Я приоткрыла дверь, но замерла, когда мой взгляд упал на Миру. Девушка жадно слушала преподавателя, впившись взглядом в мистера Брикера. Аланзане пользовались в Сирминике огромным влиянием.

Но я не стала задумываться о том, сталкивалась ли Мира с ними прежде, и невольно залюбовалась точеными чертами ее лица. Ее красота притягивала взгляды, а сдержанность и бесстрашие делали Миру невероятно таинственной и притягательной. Мне с ней никогда не сравниться. Неужели в этих поразительных темных глазах скрывалась мрачная тайна? Что она действительно была любовницей Седрика?

Недавнее отвратительное чувство снова начало подниматься во мне, но я сумела подавить ревность. Распахнув дверь, я ворвалась в гостиную и села на кушетку, надеясь, что запах ветивера с моего платья уже выветрился.

Глава 6

В последующие месяцы я почти не видела Седрика. Но я была постоянно занята, и поэтому мне оказалось нетрудно оттеснить мысли о Седрике в самый дальний уголок сознания. Туда же я складывала и кое-что другое: воспоминания о родителях и мысли о том, как бабушка должна обо мне тревожиться. Я приказала себе думать о прошлом как можно реже. Только изредка, поздно ночью, когда я ворочалась в кровати без сна, я могла навестить эти темные закуты собственной памяти.

Тем не менее, за исключением таких мрачных моментов, мое пребывание в Блистательном Дворе вскоре стало самым счастливым периодом моей жизни. Несмотря на плотное расписание, бесконечные тренировки и занятия, я наслаждалась дотоле не знакомой мне свободой. Я гуляла по территории поместья с легким сердцем, пьянея от мысли о том, что могу делать все что пожелаю. Каждый день передо мной открывался целый мир!.. Конечно же, за мной следили – но отнюдь не так пристально, как в Осфро.

Однако я часто сталкивалась с различными трудностями.

– Эй, ты готова... Что ты натворила?

Я повернулась к Тэмсин и Мире, которые вбежали на кухню. Хотя нас уже восемь месяцев обучали аристократическим манерам, мистрис Мастерсон хотела, чтобы мы (или некоторые из нас) не забывали о своем скромном происхождении. Это выливалось в поручения по домашней уборке. К примеру, сейчас я мыла посуду.

Девушки бросились ко мне и заглянули в медный котел, который я тщетно пыталась отскрести от накипи.

– Что это? Точно, щелочь! По запаху понятно. – Не дожидаясь моей реакции, Тэмсин подхватила котел и выплеснула его содержимое в бадью с помоями. – О чем ты только думала?

– В нем что-то сгорело, и отмыть его никак не получалось. Я видела, как ты выводила щелочью пятно с платья, и решила...

– Молчи! – приказала Тэмсин. – Больше ни единого слова! Не хочу тебя слышать!

Мира взяла тряпицу и протерла внутреннюю сторону котла.

– Все отошло, а щелочь была там недолго и ничего не успела испортить.

Я торжествующе воскликнула:

– Значит, у меня получилось!

– Можно было налить в него воду и поскрести с лимоном. Результат был бы тот же, а риска – гораздо меньше. – Тэмсин схватила меня за руку и принялась рассматривать кисть. Кожа на запястье покраснела от щелочи. – Адова пропасть! Быстро вымой ее водой. У тебя самые нежные пальцы в «Голубом ключе». Не губи их почем зря!

У самой Тэмсин руки хранили следы работы прачкой, что ее бесконечно раздражало. Она постоянно мазала их увлажняющими кремами, стараясь устранить нанесенный ущерб или хотя бы свести его к минимуму.

Мира забрала у меня фартук и повесила на место, а Тэмсин придиричиво меня осматривала.

– Вроде бы все остальное в порядке. Платье цело. Да и пучок у тебя получился на редкость удачно. Тебе помогали?

Я пригладила волосы, обидевшись на ее подозрительность.

– Мы живем в одной комнате. Считаешь, в спальню кто-то прокрался, чтобы сделать мне прическу?

– Это не я, – быстро вставила Мира, поймав на себе взгляд Тэмсин. – Аделаида доби-
лась большого успеха. Я видела, как она недавно складывала покрывало – на нем практиче-
ски не было морщинок.

Я открыла дверь. Подруги ринулись вслед за мной.

– Прекратите, вы обе! У нас выдался свободный день! Даже если бы мои волосы рас-
трепались, это бы не имело никакого значения!

Тэмсин задумчиво прищурилась.

– Нет, что-то сегодня не так, иначе мистрис Мастерсон не приказала бы нам собраться
в бальном зале. Обычно в этот день его как раз убирают.

Моя задержка из-за посуды привела к тому, что мы пришли последними, хоть еще и не
опоздали. Странно, но мистрис Мастерсон не сделала нам замечания. Она деловито распо-
ряжалась лакеями, которые устанавливали у стены длинные столы. В центре зала мы уви-
дели расстеленные на полу покрывала, на которых сидели подопечные «Голубого ключа».

– Что случилось? – поинтересовалась я у Розамунды.

Она посмотрела на нас со своего лоскутного покрывала с голубыми цветами.

– Понятия не имею. Мистрис Мастерсон велела нам ждать здесь.

Мы с подругами в недоумении прошли к свободному покрывалу – огромному, пуши-
стому, в красную и желтую полоску. Вокруг нас гудели голоса: другие девушки переговари-
вались и недоуменно переглядывались между собой.

Тэмсин простонала:

– Проклятье! Знала ведь, что надо надеть платье для посещения церковной службы!

– Думаешь, в зале устроят службу? – удивилась я.

– Нет. Наверное, нам придется сдавать какой-нибудь экзамен! Вот она – неожиданная
проверка! Может, насчет того, как принимать гостей и быстро организовать вечеринку. –
Тэмсин указала на двери. – Смотрите-ка, еда!

Порог зала переступили трое мужчин в простой одежде. Они тащили тяжелые подносы
с блюдами, которые мистрис Мастерсон велела им расставить на столах. Когда домоправи-
тельница сняла с блюд крышки, я даже с такого расстояния различила, что на них разложены
маленькие сэндвичи и фрукты. Слуги покинули зал, но вскоре вернулись с новым грузом
угощения, а также со стопками тарелок и с ворохом льняных салфеток. Сперва я предполо-
жила, что Тэмсин дала волю паранойе – но теперь стало очевидно, что еды здесь гораздо
больше, чем потребовалось бы для нашей группы. Когда буквально столы ломились от яств,
слуги удалились.

Мистрис Мастерсон застыла у дверей с выжидательным выражением лица.

– Проклятье! – прошипела Тэмсин. Она втянула ноздрями воздух, и взгляд у нее стал
решительным, как у генерала, который готовится к сражению. – Ладно, девочки. Мы побе-
дим. Мы справимся лучше всех, потому что другие вообще ничегошеньки не поняли! Туго-
думки! А у нас – фора. Вспоминайте, как нас учили встречать незнакомых гостей на приеме.
Прокручивайте в голове допустимые светские темы. Погода. Приближающиеся праздники.
Про животных тоже можно болтать. Никакой религии и политики, не считая одобренных
высказываний о короле и его последних решениях. Выглядите величаво: кто знает, каких
знатных персон откопала старая перчатница? Помните об осанке и...

Но благоразумие Тэмсин исчезло, и она издала в высшей степени не величавый вопль.
В следующее мгновение она уже вскочила и понеслась через весь зал. И она оказалась не
единственной. Другие тоже не усидели на месте, а гул голосов превратился в настоящую
какофонию. Девицы радостно верещали и взвизгивали. Посмотрев на двери, я обнаружила,
что в зал входят незнакомые люди, которых нельзя было причислить к благородным и знат-
ным особам.

Мои товарки ныряли в толпу, захваченные водоворотом объятий и слез.

– Это их родные, – пояснила Мира.

Мы с ней единственные остались сидеть на покрывале. Мира улыбнулась шире, когда на наших глазах Тэмсин повисла на шее у массивного рыжебородого здоровяка. Рядом с ним стояла усталая худая женщина, а к ней жались трое детей с огненно-рыжими шевелюрами. Двоим – девочке и мальчику – было лет по пятнадцать. Третьей оказалась совсем маленькая девчушка. Тэмсин подхватила сестренку на руки как пушинку и попыталась одновременно обнять остальных родных, что вызвало веселую путаницу. На лице Тэмсин не было и тени хитрости. Никакой расчетливой оценки ситуации. Жесткий контроль, который держал ее в напряжении, напрочь улетучился. Сейчас ее эмоции были чистыми и неприкрытыми. В девушке ощущалась легкость, которая показала мне, что до этой минуты я толком не понимала, какой на Тэмсин лежал груз.

– А тебя кто-нибудь навестит? – спросила я у Миры.

Она качнула головой.

– Нет. Никто из родных не приехал со мной из Сирминики в Осфро. Но я пытаюсь вообразить, что бы обо всем подумали мои родители, окажись они в «Голубом ключе». Они были бы шокированы.

Я невесело рассмеялась.

– И мои тоже.

Удивительно, но сердце у меня заболело вовсе не из-за мысли о матери и отце. Дело было в бабушке. Она заботилась обо мне долгие годы и потратила столько сил на то, чтобы поправить наше положение! Я по-прежнему не жалела о своем решении сбежать, но когда первая волна возбуждения схлынула, у меня появилось время на то, чтобы оценить последствия своего поступка... и почувствовать себя виноватой. Седрик тайком подсунул мне газетную вырезку из раздела светской хроники: в заметке упоминалось о женитьбе Лионеля на некоей не особо знатной аристократке. Свадьбу отыграли через несколько недель после моего исчезновения. Седрик нацарапал на полях: «Что за поспешность! Наверное, бедняга только так и мог утешиться! Какая потеря!»

И хотя эта страница книги моей жизни уже была перевернута, масса вопросов до сих пор не нашли ответа.

Я бездумно проговорила:

– Как бы мне хотелось увидеть бабушку!

Невозмутимая Мира вытаращила глаза.

– Ты о ней никогда не упоминала. Ой, не может быть! – Она медленно поднялась на ноги и ошарашенно уставилась на чету морщинистых сирминиканцев. – Пабло и Фернанда! Они были со мной на пути из дома! Извини!

Мира уверенно направилась к ним, и, хотя я порадовалась, глядя, как она обнимает щуплых стариков, боль в моем сердце только усилилась.

Девушки продолжали ликовать – они безумно обрадовались своим родным и близким и не обращали на других никакого внимания, но потом ситуация переменилась, и кое-кто начал кидать на меня любопытные взгляды. Даже тех, кто давно осиротел, навестили хотя бы друзья. Я осталась одна. Я была единственной, у кого не оказалось близких.

Я стала единственным человеком без прошлого.

А может, и нет.

– Аделаида, конечно же, находится здесь! Она сидит на полосатом покрывале, возле родных Сильвии! – услышала я голос мистрис Мастерсон.

Какая-то женщина обогнула семью Сильвии и расплылась в счастливой улыбке:

– А вот и моя Аделаида!

Я воззрилась на нее. Раньше я ее никогда в жизни не встречала. Женщина была втрое старше меня и обладала пышными формами, которые чрезмерно подчеркивало тусклое красное платье, причем сам наряд был ей явно не по размеру.

Глаза у незнакомки оказались щедро подведены, а на медно-рыжих волосах красовалась соломенная шляпка с целой клумбой искусственных цветов.

– Привет, Ада! – провозгласила она, воздвигаясь надо мной и упирая руки в боки. – Ты не собираешься обнять твою любимую тетушку Салли?

У нее за спиной я увидела мистрис Мастерсон, которая пристально за нами наблюдала. Не желая опростоволоситься, я встала и обняла женщину и едва не задохнулась от аромата чайных роз.

– Подыгрывай мне! – шепнула она мне на ухо.

Мы отстранились друг от друга, и я выдавила из себя улыбку, надеясь, что та успешно скроет мое первоначальное изумление. Мистрис Мастерсон одобрительно кивнула и отошла в сторонку.

«Тетя Салли» расслабилась, но постаралась говорить как можно тише.

– Меня зовут Ронда Гейблз – я была звездой самых популярных спектаклей в Осфро. Думаю, ты обо мне слышала.

Я покачала головой.

– Ладно уж... девица с таким статусом, наверное, редко попадает в театр, что вполне объяснимо.

Моей семье принадлежала ложа, и мы посещали практически все значимые представления, которые давались в столице. Я не сомневалась, что если бы Ронда играла на подмостках, я бы ее точно запомнила. Вероятно, она была актрисой театра рангом ниже...

– Что вы тут делаете? – спросила я.

Ронда осмотрелась и заговорщически мне подмигнула:

– Я здесь для того, чтобы с блеском исполнить роль твоей тетки. Меня нанял... короче говоря, имени он не назвал, но заплатил серебром. Симпатичный юноша. Темные волосы. Высокие скулы. Будь я лет на двадцать моложе, я бы...

– Да-да, – оборвала я излишества Ронды. – Вероятно, я знаю этого молодого человека. Значит, именно вы будете моей временной теткой?

– Дорогая, мне положено посетить это захолустье вместе с остальными. Между прочим, в столице за нами прислали шикарные экипажи. Нас обещали накормить до отвала, а кто я такая, чтобы отказываться от бесплатной еды? А вот тот мужчина как раз все и организовал. – Ронда указала на Джаспера, вошедшего в зал. – Кстати, а вино подадут?

Джаспер хлопнул в ладони, требуя внимания. Гвалт моментально стих, и все присутствующие уставились на Торна-старшего. Он, в свою очередь, приготовился лицедействовать.

– Во-первых, позвольте приветствовать вас в поместье «Голубой ключ». Вы – наши гости, и мы целиком к вашим услугам. Во-вторых, я хочу поблагодарить вас за жертву, которую вы принесли, отдав нам на долгие восемь месяцев ваших дочерей. – Он помолчал, обвел взглядом наугад выбранных слушателей и приветливо им улыбнулся. – Однако видеть их в «Голубом ключе» является для нас самих честью и удовольствием! Мы помогаем девушкам раскрывать свои таланты, которыми, как вы, конечно же, знаете, они обладают изначально. А сегодня вы сможете заглянуть в тот мир, частью которого они уже стали! Но он поблекнет по сравнению с тем богатством и роскошью, которые ваши дочери получают, выйдя замуж в Адории.

Последние слова Джаспера произвели неизгладимое впечатление на гостей. И родственники, и друзья девушек были поражены бальным залом с гигантской хрустальной

люстрой и позолоченными обоями. Мысль об иной, наверняка невообразимой роскоши, которая ожидала каждую из нас в недалеком будущем, ввергала их в ступор.

– Обычно мы приглашаем родных и близких ближе к концу весны и устраиваем пикник в саду. – Джаспер улыбнулся, кивая на панорамное окно, запотевшее от изморози. – Но, к сожалению, сегодня подобное невозможно, поэтому мы решили устроить пикник в помещении. Не стесняйтесь! Наполняйте тарелки и чашки, выбирайте себе местечко – и наслаждайтесь! И, пожалуйста, не забывайте о том, сколь блистательное будущее ожидает ваших дочерей!

Я с трудом сдержала желание закатить глаза. Трудно было принимать высокопарные речи Джаспера всерьез: я слишком хорошо помнила, как жестко он разговаривал с Седриком с глазу на глаз. Однако остальные были совершенно очарованы Торном-старшим и неторопливо направились к столам. Ронда увидела ромовый пунш и быстро метнулась к дымящейся чаше. Я бросилась за ней, но застряла в толпе оживленных гостей. Ожидая, пока мимо меня проковыляет бабушка Каролины, я услышала голос Джаспера. Торн-старший разговаривал с мистрис Мастерсон.

– Встречи с родственниками – всегда непростое дело, – негромко произнес он. – Никогда не знаешь, кто из девушек сильно соскучился по близким. Кто-нибудь может сорваться и закатить истерику. А если мы официально объявляем дату отплытия в Адорию, то риск побега увеличивается в разы. Но теперь-то наших кандидаток поддержат их близкие, ослепленные роскошью, – и я надеюсь, что девицам не захочется разочаровать свои семьи. Похоже, у нас все идет как по маслу.

Хмурясь, я наконец добралась до Ронды. Не зная я, что в Адорию корабли ходят только весной и летом, я бы решила, что Джаспер намекает на совсем другие, гораздо более близкие, сроки.

Ронда уже успела залпом осушить стакан пунша и собралась налить себе вторую порцию. Я оттащила ее подальше под неодобрительным взглядом Кларининой мамы.

– Будет, тетя Салли! Тебе надо перекусить. Вспомни, что ты вытворяла на прошлом праздновании Средизимья.

К счастью, Ронду не нужно было уговаривать дважды: в итоге мы положили на тарелки сэндвичи с огурцом, холодную курятину, ломтики свежих фруктов и вернулись к полосатому покрывалу. Мира сидела рядом с Пабло и оживленно разговаривала со стариком по-сирминикански. Ну а сияющая Тэмсин вообще лишилась аппетита. Близкие Тэмсин разделяли ее радость, хотя от вкусной трапезы отказаться не могли. Подростков – (как выяснилось, они были близнецами) – звали Джонатан и Оливия. Они прижимались к Тэмсин с двух сторон, одновременно пытались уплестать свои сэндвичи и без умолку о чем-то трещали. Малышка, которую мне представили как Мэри, сидела у Тэмсин на коленях и с удовольствием жевала грушу. Ее волосы тоже были рыжими.

– Ты только посмотри на свои пальцы! – воскликнула мать Тэмсин. – Тебе уже не перестирать корыто с грязным бельем!

Тэмсин довольно улыбнулась. Ее руки (по мнению самой Тэмсин, они сильно уступали моим) стали гладкими и изящными по сравнению с руками ее матери, огрубевшими и шелушащимися от бесконечной возни в горячей воде.

– А я и не собираюсь! – объявила Тэмсин. – А когда я выйду замуж за самого богатого мужчину в Адории, тебе тоже не придется стирать!

Ее отец громко захохотал, вызвав у окружающих улыбки.

– Мечтательница моя! Сначала вообще туда попади.

– Она права, – проговорил подкравшийся к нам Джаспер.

Я обратила внимание, что он постоянно переходил от одной семьи к другой.

Торн-старший присел на корточки.

– Тэмсин прославилась своей целеустремленностью и решительностью. И она явно хочет добиться еще большего. Я недавно беседовал с учительницей музыки, и она не перестает восторгаться тем, как хорошо Тэмсин научилась играть на фортепьяно.

Мать изумленно воззрилась на нее:

– Правда, дочка?

Более впечатляющего и поразительного факта Джаспер и выбрать не мог. В тех слоях общества, откуда вышла Тэмсин, фортепьяно даже никогда не видели. Игра на музыкальном инструменте приравнивалась к владению чужим языком.

Тэмсин зарделась от удовольствия.

– Я еще учусь, зато отлично знаю основы! Если у моего мужа будет рояль, я смогу практиковаться и дальше.

Джаспер ей подмигнул.

– А если не будет, то, уверен, вы уговорите своего благоверного на эту покупку.

Он повернулся ко мне – и мне стало интересно, каким комплиментом Джаспер собирается меня наградить. Я очень сомневалась в том, что Джаспер действительно общался с нашей преподавательницей музыки. Вероятно, он получил сведения о наших успехах лишь сегодняшним утром – от мистрис Мастерсон. Во время своих прошлых визитов Джаспер просто мельком заглядывал к нам, а затем обсуждал дела с домоправительницей. Самым конкретным замечанием, которое он на моей памяти сделал одной из девушек, был совет, данный Каролине. Джаспер настоятельно рекомендовал ей уменьшить количество съедаемой на завтрак выпечки.

– Наша Аделаида демонстрирует неслыханную выдержку и изящество! Похоже, это ее прирожденные качества, – произнес Торн-старший. Меня не удивило, что он выбрал нечто, не связанное с учебой: я нарочно не преуспевала на уроках. – И она настолько красива, что можно не сомневаться – у нее отбоя от мужчин не будет!

Ронда кивнула и выпила стакан ромового пунша. И как ей только удалось налить себе еще?

– С нашей красоткой всегда так было – прямо с самого детства. Мальчишки ждали ее на улице и у дверей. Парни влезали к нам в дом. Если где-то появлялась Аделаида, то с ней наверняка был какой-нибудь ухажер.

Наступила неловкая пауза. Я попыталась беззаботно засмеяться, но вместо этого из моего горла вырвался сдавленный хрип. К счастью, Джаспер повернулся к Мире и чете пожилых сирминиканцев.

Тэмсин перегнулась через Мэри и прошептала:

– Теперь-то я понимаю, почему ты никогда не говорила о своей тете.

– А Мира... – Джаспер продолжал улыбаться, но его истинные чувства понять было трудно. – Мира не перестает нас удивлять. Не сомневаюсь, что так будет и в Адории.

– Вы отец мистера Торна? – поинтересовался Пабло. – Мистера Седрика Торна? Я думал, он тоже придет.

– Он сейчас в Осфро – сдает выпускные экзамены. – Джаспер насупился. – А откуда вы знаете моего сына?

Пабло замялся.

– Я встретился с ним, когда он приходил за Мирабель. Мистер Седрик показался нам очень хорошим молодым человеком.

Я ожидала, что Джаспер ответит какой-то резкостью, но он проявил чудеса сдержанности.

– Верно. Конечно, с кем-то иным вы Миру и не отпустили бы. Но прошу меня простить: мне надо пообщаться и с другими гостями.

Джаспер выпрямился и перешел к следующей компании. Я вспомнила, как он говорил с мистрис Мастерсин. По его словам, это был спектакль, направленный на то, чтобы мы отплыли в Адорию с благословения наших близких. Я не могла избавиться от подозрения, что происходит нечто неблагоприятное.

Когда он ушел, Фернанда фыркнула:

– Мы не можем позволять или не позволять Мира что-то делать. Она решает сама.

Посмотрев на стариков, я выбросила тревожные мысли из головы.

– Вы знали Миру еще в Сирминике?

– Пока группировки воевали между собой, простые люди хотели оставаться в стороне.

А когда это стало невозможным, началось массовое бегство, – пояснила Мира. Она улыбнулась Пабло и Фернанде. – Мы оказались в одной группе беженцев, пытавшихся пересечь границу. В дороге было очень страшно... думаю, там и теперь ситуация не изменилась. Мы старались держаться вместе. Но даже в группе беженцев одинокой девушке может грозить опасность. Я пыталась оберегать других. Я...

Мира помрачнела, и Фернанда ободряюще сжала ее руку.

– Мира и вправду защищала других. Война пробуждает в людях чудовищ, а силы человека ограничены... – Она заметила рыженьких подростков, ловивших каждое ее слово. – Да. Как я сказала, Мира многих защитила.

Ронда поставила пустой стакан на покрывало.

– Я ничего против сирминиканцев не имею! Ведь наша страна открыта для всех и каждого! У меня среди близких друзей есть сирминиканцы. Я знакома с одним джентльменом, он содержит кафе, где пекут крепери – оно находится у Фонтанной площади. Он мой друг... очень близкий, понимаете? Его блинчики – лучшие в столице. А мне с ним...

– Я знаю о кафе, о котором вы говорите, – вмешалась мать Тэмсин. – Но его владелец – не сирминиканец. Он из Лорандии.

– Нет! Сперва я в его речах вообще не разбиралась! И фамилия у него заканчивается на «о», как у вас у всех!

Последние слова Ронда сопровождала кивком в сторону Миры и ее друзей.

– Его зовут Жан Деверо, – не сдавалась мать Тэмсин. – Я ему белье стирала. Он говорит по-лорандийски.

– И крепери придумали в Лорандии, – добавила я.

Ронда бросила на меня оскорбленный взгляд.

– Теперь и ты мне не веришь? Вот вам и родная кровь! Ладно, какая разница. Сирминиканец, лорандиец... Все разговаривают похоже, и, если честно, мы всегда только и делаем, что болтаем, как сороки, верно?

Когда пару часов спустя пикник завершился, я была этому так рада, что мне стало немного стыдно. А вот остальные девушки заметно приуныли – особенно сильно расстроилась Тэмсин. Все прощались в вестибюле, а кареты уже стояли у крыльца, чтобы увезти гостей обратно в столицу.

Тэмсин вручила матери толстую пачку бумаг, и я догадалась, что письма, которые Тэмсин постоянно строчила, наконец-то попадут по адресу. Тэмсин писала их каждый день, но конечный результат выглядел весьма впечатляюще.

Однако более всего меня потрясло лицо Тэмсин. Если раньше Тэмсин светилась от счастья, то теперь она казалась совершенно убитой. Я никогда не видела у нее подобного выражения. Такой ранимости. Она яростно обняла обоих родителей, а когда подхватила на руки Мэри, то, похоже, едва не разрыдалась.

Мне пришлось отвести взгляд: было неловко наблюдать за подругой в эту минуту.

Ронда стояла рядом со мной. Я потеряла счет выпитым ею стаканам пунша.

– Аделаида, дорогая, – проворковала она, положив руки мне на плечи. – Надеюсь, ты не поленишься навестить свою старую тетку Салли, когда приедешь в столицу. Понимаю, тогда ты уже будешь знатной дамой и все такое, но не забывай, откуда ты родом, девочка. Слышишь?

Ронду услышали и еще несколько человек, которые находились неподалеку: она была навеселе и почти не контролировала звук своего голоса. Я не могла решить, оказал ли мне Седрик добрую услугу, наняв ее, или наоборот.

Кучер позвал первую группу гостей, в которую, как выяснилось, входила и семья Тэмсин. Она проводила родных тоскливым взглядом, окаменев от горя. Как только они скрылись, она крутанулась на месте и убежала из вестибюля, где царили суматоха и шум: гости толклись у дверей, и ухода Тэмсин никто вообще не заметил. Даже Мира отвлеклась на разговор с каким-то слугой. Проскользнув между девушками и их близкими, я кинулась за Тэмсин, не обращая внимания на крики Ронды – та требовала, чтобы я непременно ее навестила.

* * *

Я обнаружила Тэмсин в нашей комнате: она плакала, сидя на кровати. Когда я вошла, она вскинула голову и вытерла покрасневшие глаза.

– Ты что здесь делаешь? Разве тебе не надо попрощаться с теткой?

Я присела возле Тэмсин.

– Она прекрасно обойдется без меня. А я волнуюсь за тебя.

Она шмыгнула носом и замотала головой.

– Я прекрасно себя чувствую.

– Скучать по дому не стыдно, – мягко произнесла я. – Вовсе не обязательно скрывать, что тебе не хватает родных.

– Мне не стыдно! Но я не могу позволить, чтобы они... остальные... видели меня такой. Мне нельзя демонстрировать слабость.

– Любовь к близким – это не слабость, Тэмсин.

– Да... Но здесь? Мне надо быть сильной! Всегда. Я должна идти вперед. – В ее взгляде вспыхнула привычная решимость. – И я не допущу, чтобы кто-нибудь – даже я сама – помешал мне добиться цели. Получить то, что мне необходимо.

Я промолчала и просто накрыла ее руку ладонью. Спустя мгновение Тэмсин стиснула мои пальцы.

– Я знаю, что меня считают холодной и бесчувственной. Все думают, что я подличаю.

– Со мной ты никогда себя так не вела.

Тэмсин посмотрела на меня в упор.

– Еще бы! А как мне выучить мерзкий бельзианский вальс, если ты не будешь со мной заниматься? Мне надо тебя задабривать! Но если серьезно... – Она отстранилась и скрестила руки на груди. – Пойми: я это делаю не потому, что я просто от природы такая стерва. У меня есть причина, по которой я стремлюсь стать лучшей и заполучить самого богатого мужа в Адории. Если бы ты знала, что здесь решается...

У нее сорвался голос.

– Скажи мне! – взмолилась я. – Наверное, тогда я смогу тебе помочь!

– Нет! – Тэмсин смахнула еще несколько непокорных слезинок. – Если бы ты узнала, то стала бы относиться ко мне по-другому.

– Ты – моя подруга. Ничто не изменит моего отношения к тебе.

Однако, говоря это, я усомнилась в том, что сама бы поверила таким словам, если бы кто-то попытался выведать мои тайны. Я была почти уверена, что Тэмсин и Мира изменили бы свое поведение, узнай они, что живут в одной комнате с потомком могучего Руперта.

– Не могу, – выдавила Тэмсин. – Мне нельзя рисковать.

– Ладно. Тебе не нужно делиться со мной секретами. Но просто знай, что я всегда рядом.

Улыбка у нее получилась усталая, но искренняя.

– Ага.

Дверь распахнулась, и в спальню ворвалась Мира.

– Вот вы где! Все уже... Что случилось?

Тэмсин вскочила с кровати.

– Ничего. А в чем дело?

Мира бросила на меня вопросительный взгляд, и я тотчас кивнула. Она еще секунду озабоченно смотрела на Тэмсин, а потом продолжила:

– Родственники и друзья разъехались. Джаспер попросил нас всех снова собраться в бальном зале.

Последние следы вспышки чувств у Тэмсин исчезли. Она мельком проверила свое отражение в зеркале и поплелась за Мирой.

– Ну конечно. Происходит что-то неладное, – проворчала Тэмсин.

Мы быстро спустились вниз и присоединились к остальным подопечным «Голубого ключа». Тэмсин оказалась отнюдь не единственной девушкой, переживающей отъезд родных, и я усомнилась в том, что план Джаспера приведет именно к тому результату, на который он рассчитывал.

Мистрис Мастерсон призвала нас к вниманию, и Джаспер заговорил:

– Надеюсь, что вы получили истинное удовольствие после встречи со своими семьями! Я тоже был искренне рад увидеться с этими чудесными людьми, которые воспитывали и растили вас, барышни. Однако их визит – не единственный сюрприз! Сейчас вас ожидает кое-что еще...

Джаспер чуть выждал, нагнетая атмосферу напряженного ожидания. Хотя его лицо излучало самоуверенность, настороженный взгляд мистрис Мастерсон свидетельствовал о том, что все идет не очень хорошо. Ко мне вернулось ощущение грядущих неприятностей.

– Надеюсь, вы все с нетерпением ждете переезда в Адорию, – провозгласил он. – Ведь мы отправляемся туда на два месяца раньше, чем планировалось!

Глава 7

Воцарилась тишина. Мы были потрясены. Зато следующее объявление Джаспера вызвало бурную реакцию в наших рядах.

– Таким образом, вы, барышни, будете сдавать экзамены досрочно. Они начнутся через неделю.

Тэмсин ахнула и прижала ладонь к груди. Многие девушки выпучили глаза, испуганно повернулись друг к дружке и начали перешептываться.

– Тише! – одернула их мистрис Мастерсон. – Мистер Торн еще не закончил говорить.

– Я понимаю, что подобное изменение планов застало вас врасплох, – продолжил Джаспер. – Однако наше решение перевезти вас в Адорию досрочно отражает ваши поразительные успехи. Через пару месяцев вы окажетесь в совершенно новом мире, будете окружены обожанием и ухаживаниями, которых достойны именно такие жемчужины, как вы. Я уверен, мой брат придет в восторг, когда увидит выпуск этого года.

Чарльз Торн, главный инвестор Блистательного Двора, чередовался с Джаспером в качестве основного рекрутера. Сейчас он находился в Адории и должен был отплыть в Осфрид весной, дабы произвести очередной набор, предоставив Джасперу полную свободу, чтобы тот мог отвечать за нас в Адории.

– Я не сомневаюсь, что вы отлично проявите себя на экзаменах, – вещал Джаспер. – Я был бы рад присутствовать при ваших испытаниях, но мне надо навестить девушек и в других поместьях. Однако скоро сюда придет Седрик. Он будет надзирать за экзаменами и обеспечит вам должную моральную поддержку.

Я кашлянула и вышла вперед.

– А разве это не опасно?

Джаспер нахмурился:

– Моральная поддержка Седрика?

– Нет. Путешествие на корабле в зимнее время. А как же сезон штормов?

– Я предпочитаю рассматривать конец зимы как начало весны. И я сам вряд ли бы отправился в путь, если бы считал, что нам угрожает опасность. Дорогая Аделаида, неужели ты уже успела приобрести столь серьезные мореходные сведения, какими не обладаю я? Может, ты знаешь больше, чем тот капитан, который согласился нас взять на борт? – усмехнулся Джаспер.

Я мудро решила не спорить с Джаспером, поскольку не хотела ставить себя в неловкое положение. Конечно, я не имела никаких познаний в мореплавании, но зато я прочла бесчисленное количество книг по истории Адории, которые входили в нашу программу обучения. Я натолкнулась на множество рассказов о первых переселенцах: они на собственном печальном опыте убеждались, что зимой плыть через Закатное море не рекомендуется.

Нам велели разойтись по спальням. У Тэмсин, как я и ожидала, нашлось немало чего сказать. Она плюхнулась на кровать, не боясь измять свое батистовое платье.

– Нет, вы слышали? Экзамены будут через неделю! – негодовала она.

Мира тоже выглядела встревоженной – так что я спохватилась и изобразила уместное для данного момента беспокойство. Но мы могли бы сдавать экзамены хоть сегодня: меня они ничуть не волновали.

– Времени на подготовку у нас мало, – сказала Мира.

– Да-да! – взывала Тэмсин. – Между прочим, я слышала, как мистрис Мастерсон говорит, что мы уже либо усвоили материал, либо благополучно все провалим.

– Она права, – признала я, заработав от обеих девушек удивленные взгляды. – Думаю, многие из девиц получают высокие баллы. Хватит переживать! А никого из нас троих точно не срежут.

Чтобы быть исключенной из Блистательного Двора, требовалось провалиться сразу по нескольким предметам: любую, кто учился бы настолько плохо, давно бы отправили восвояси.

– Меня не устраивает положительная отметка! – возразила Тэмсин. – Я хочу получить лучшие результаты. Я хочу стать бриллиантом.

– Кем? – хором спросили мы с Мирой.

Тэмсин вечно твердила о своем будущем успехе в Адории, но о бриллиантах она никогда не упоминала.

Тэмсин подалась к нам с горящими глазами.

– Это тема нынешнего года! Когда девушек представляют в Адории, то всегда выбирают определенную тему. На ней базируется гардероб выпускниц, и каждая получает свою роль, которая приблизительно соответствует экзаменационным оценкам. В прошлом году это были цветы, и лучшая девчонка стала орхидеей. Следующая была розой. Потом шла лилия. Кажется, в предыдущем году были птицы. Ну а сейчас будут драгоценные камни!

– И лучшую выпускницу назовут бриллиантом, – уточнила я.

– Да. Три лучшие девушки из всех поместий всегда получают максимальное количество приглашений на приемы в Адории, и их представляют самым выгодным женихам. То есть формально мы являемся бесценными жемчужинами, но Джаспер с Чарльзом создают особую атмосферу вокруг трех счастливиц. Это создает спрос... и увеличивает сумму выкупа. А страховая сумма, которая остается нам, тоже возрастает.

Я пожала плечами: мне-то надо постараться попасть лишь в середину списка! Тэмсин, несомненно, являлась лучшей кандидаткой на выданье в «Голубом ключе», и я сомневалась, что в других поместьях найдется девушка, которая бы сравнялась с ней в мотивированности.

С приближением экзаменов суматоха в поместье возросла. Регулярные занятия отменили, чтобы мы смогли посвятить время подготовке к самым трудным разделам и попрактиковаться. Учителя, разъезжающие по поместьям, часто наведывались в «Голубой ключ», читая дополнительные лекции для тех, кто об этом просил. В доме кипела работа.

Мне же опять пришлось имитировать бурную деятельность, чтобы не вызывать подозрений. Тэмсин замкнулась, зарывшись в учебники – и я с изумлением поняла, что мне не хватает ее энергичного присутствия. Теперь и Мира не нуждалась в моей помощи с языком. Во время непринужденной болтовни она порой начинала говорить с акцентом, но когда она за собой следила, то ее осфридский становился почти неотличим от речи местного населения. В принципе, он был даже лучше, чем у некоторых девиц, которые до сих пор могли разговаривать на простонародном диалекте. А иногда сама Мира просто ради шутки уморительно подражала акцентам носителей других языков...

Мне же следовало создавать впечатление, будто я чем-то занята, поэтому я не расставалась с книгой, которую мистрис Мастерсон деликатно нарекла «Женской наукой». Помимо подробных сведений о беременности и деторождении, она включала в себя и информацию о том, что к этому приводит. «Хорошая жена хороша и в спальне. Ваши теплота и ласка сделают вашего мужа счастливым», – однажды заявила нам домоправительница ледяным тоном. По сути, это оказалось единственной областью знаний, с которой я не сталкивалась в прежней жизни. Многие девицы на уроках по «Женской науке» явно чувствовали себя оскорбленными, однако я относилась к лекциям со стыдливым интересом.

– Разве ты ее не в третий раз перечитываешь? – поддразнила меня Мира накануне экзаменов.

Она лежала на кровати с учебниками по языкознанию, а Тэмсин, позволив себе редкую передышку, строчила очередное письмо.

Покраснев, я захлопнула книгу.

– Она кажется мне непонятнее других.

Мира оторвалась от своих записей.

– А я думаю, все само прояснится в нужный момент.

– Наверное, – согласилась я, гадая, не познакомилась ли Мира с этой областью на собственном опыте.

Но по хладнокровному выражению ее лица ничего понять не получалось.

– Глупости! – фыркнула Тэмсин, не потрудившись оторвать взгляд от письма. – Мы должны ждать первой брачной ночи и позволить мужу научить нас тому, чему он сам пожелает.

Мира отложила учебник и прислонилась к изголовью кровати.

– А мне совсем не нравится, что все находится в их руках. Почему власть должна быть у мужчин? Разве мы не должны иметь право решить, чего хотим мы сами?

Тэмсин всерьез заинтересовалась нашим разговором.

– Что ты мелешь, Мира? Дома я знала одну девушку, которая отдала свою невинность парню, пообещавшему на ней жениться. И представляешь, он, конечно, на ней не женился. Он был помолвлен с другой, а той сказал, что она все неверно поняла. Девчонка погубила свою репутацию и свою жизнь! В общем, хватит уже безумных идей.

– А разве были еще? – осведомилась я.

– Мира недавно сказала, что сама выплатит выкуп за себя, – наябедничала Тэмсин.

– Но я не утверждала, что обязательно так и поступлю, – проговорила Мира. – Хотя это действительно возможно. В контракте не указано, что мы обязаны вступить в брак, – только упомянуто, что должны быть уплачены деньги за наше обучение. Если бы ты имела деньги, то смогла бы себя выкупить и стать свободной.

– Ты хочешь попасть в работный дом? – ужаснулась я.

Я прекрасно помнила, как Седрик объяснял нам с Адой, что девушки, нарушающие контракт, идут на другую, менее привлекательную службу.

– Нет-нет. – Мира вздохнула. – Я имела в виду, что если бы удалось найти какой-то другой способ добыть деньги, пока встречаешься с женихами в Адории, то можно было бы расплатиться на своих условиях.

– Значит, ты собираешься найти клад? – ехидно спросила Тэмсин. – Минимальная сумма, которую заплатят за кого-то из нас, сотня золотых. Повторяю, минимальная!

– Но стать свободной возможно, – тихо произнесла Мира.

Я улыбнулась и вернулась к своей возмутительной книге. Мира часто заявляла, что может покинуть Блистательный Двор. Похоже, эти мысли никогда не оставляли ее, хотя Тэмсин была права: осуществить такое очень сложно, если вообще возможно.

Когда наступил день экзаменов, нас собрали в вестибюле рано утром. Наше появление сильно отличалось от неуверенного шарканья первых дней. Мы спускались по парадной лестнице друг за другом, позволяя собравшимся в холле любоваться нашей грацией. Еще на полпути вниз я заметила Седрика, который стоял возле наших преподавателей. Почему-то я почувствовала себя оробевшей и смутилась.

Однако я завершила свой спуск по ступеням безупречно и замерла рядом с другими девушками, ожидавшими своей очереди в изящных позах, к которым нас давно приучили. Мистрис Мастерсон пытливо оглядела кандидаток «Голубого ключа». Когда она миновала меня, я осмелилась взглянуть на Седрика, который с интересом за мной наблюдал. Он ненадолго встретился со мной взглядом и перевел его на Миру.

Мистрис Мастерсон сообщила нам о том, как пройдет сегодняшний день, после чего обратилась к Седрику:

– Скажете нечто вдохновляющее?

Седрик продемонстрировал свою фирменную улыбку:

– Я могу только пожелать вам удачи! Но я не думаю, что она вам понадобится. Каждая из вас добилась огромных успехов всего лишь за восемь месяцев, и я знаю это не понаслышке. Вы все – необыкновенные.

В отличие от отца, Седрик говорил правду насчет того, что он отслеживал наш прогресс. Во время своих визитов он обязательно беседовал с девушками, искренне желая получше с нами познакомиться.

Когда мы стали расходиться по комнатам, Седрик поймал меня за рукав.

– Как вам свидание с тетей Салли?

Я закатила глаза.

– А никого получше отыскать было нельзя? Я бы предпочла показаться одинокой и жалкой.

– Но вы слишком симпатичная: никто бы не поверил, что у вас нет хотя бы подруги в Осфро! – возразил Седрик. – А я располагал лишь парой дней для того, чтобы найти хоть кого-то. Я в последнюю минуту узнал о том, что расписание изменилось!

– А почему оно вообще изменилось?

– Помимо вас, отец перевозит в колонии Адории и массу самых разных товаров. Если ему удастся добраться в Адорию раньше других грузовых кораблей, он получит максимальную прибыль. Поэтому, когда он договорился с несколькими капитанами, готовыми на столь раннее плавание, то ухватился за предоставленный ему шанс, – объяснил Седрик. – Ну а я в спешке подыскивал вам актрису на роль тетушки.

– И вы обнаружили настоящую звезду театральных подмостков Осфро. По крайней мере, так мне было сказано.

Седрик выгнул бровь.

– Можете не сомневаться: я встретился с Рондой отнюдь не во время популярной театральной постановки. Зато люди обратили внимание на вашу эксцентричную родственницу и не стали удивляться тому, что у вас никого на свете нет.

– Согласна, – кивнула я и неохотно добавила: – Спасибо вам.

– Всегда к вашим услугам. Но вам уже пора идти, а то опоздаете. Надеюсь, вы произведете фурор.

– Нет. У меня будут удовлетворительные оценки.

И я держала свое слово. Вся информация, которую в нас вбивали в течение восьми месяцев, буквально сплющилась и спрессовалась в тугую ком знаний. У нас было лишь три дня. Частично экзамены были письменными, но кое-какие (например, танцы) проходили на практике. Это было утомительно даже для меня – ведь мне следовало выбирать, в каких областях показывать хорошие результаты, а в каких – средненькие.

В общем, я занималась настоящей эквилибристикой, но верила, что окажусь в золотой середине. Нет, я не нарушу данное Седрику обещание и не привлеку ненужного ажиотажа к своей персоне!

– Аделаида, милочка, – обратилась ко мне мисс Хэйворт во время экзамена по танцам, – что вы делаете?

– Вальсирую, – предположила я.

Она покачала головой, делая пометки в своем блокноте.

– Ничего не понимаю. Вы танцевали на прошлой неделе безупречно, но полностью провалили новый ригодон. А сегодня все наоборот.

Я постаралась оставаться невозмутимой.

- От нервов и не такое бывает, мадам.
- Продолжайте, – потребовала она, взмахнув рукой.

На лице мисс Хэйворт застыло выражение досады, которую я частенько у нее вызывала.

Клара ухмыльнулась, радуясь моему промаху. Она весьма преуспела в танцах, и мисс Хэйворт однажды сказала, что Клара будет блистать на балах в Адории. Сама же Клара была сейчас явно настроена получить самую высокую оценку, чтобы компенсировать крайне низкие баллы по академическим предметам.

Но меня ее мнение совершенно не интересовало, поскольку меня занимала Тэмсин. Я поймала на себе ее недоуменный взгляд, брошенный из дальней части зала. Тэмсин снова сосредоточилась на танце, а я едва не прокляла себя за оплошность. Хотя на занятиях я с легкостью демонстрировала успехи, сейчас я должна было показать плохие результаты. Порой я от волнения забывала, в каких именно танцевальных па я должна быть слаба. И я уже не в первый раз что-то напутала, что, конечно, не укрылось от Тэмсин.

После танцев начались письменные экзамены, где я чувствовала себя гораздо спокойнее. Я надеялась, что теперь-то не привлеку излишнего внимания и не допущу очередную промашку. Увы, на следующий день я снова допустила ошибку: уже на экзамене по музыке. На занятиях от нас не требовалось мастерски овладеть каким-либо музыкальным инструментом, предполагалось, что мы более-менее освоим каждый. Но вместо того чтобы погонять нас по всему материалу, учительница просто выбрала три инструмента для каждой из нас. Я была озадачена. Два первых, флейта и арфа, относились как раз к тем инструментам, на которых я преднамеренно плохо играла. Я рассчитывала, что третьим будет клавесин или лютия, поскольку с ними я всегда демонстрировала свои исполнительские таланты. Но преподавательница указала мне на скрипку. Женщины в Адории на ней почти никогда не играли, и я решила, что все проблемы позади, но внезапно поняла: приличную оценку по музыке я получу, только если сыграю что-нибудь отлично. И вот, к глубокому изумлению и учительницы, и подруг, я сыграла на скрипке безупречно правильную мелодию.

– Потрясающе! – восхитилась мистрис Босворт, расплываясь в улыбке. – Вы проявили неслыханное усердие!

– Но ты не занималась! – прошептала мне Тэмсин, когда экзамен закончился и нас отпустили на обед. – Где ты этому научилась?

Я пожала плечами.

– Здесь.

– Когда она в прошлый раз доставала скрипку, ты даже смычок неправильно держала!

– Тэмсин, я иногда волнуюсь и нервничаю. Впадаю в панику. А в чем дело? Кстати, ты сдаешь экзамены просто превосходно!

К счастью, моя уловка подействовала, и Тэмсин тотчас отвлеклась.

– Да! – гордо подтвердила подруга. – Я ответила на все религиозные и политические вопросы мистера Брикера безупречно. Да и контрольную по адорийской культуре и обществу я написала очень хорошо. А она – одна из самых важных выпускных работ!

Я улыбнулась, искренне радуясь за нее.

– Ты у нас получишь бриллиантовый ранг, Тэмсин.

– Если смогу опередить девчонок из других поместий. В «Голубом ключе» я точно лучшая. – Тэмсин сказала это просто как факт, без всякого хвастовства. – Но что творится в остальных трех поместьях? – задумчиво добавила она.

Я за нее не тревожилась, особенно после следующих экзаменационных дней. Рвение и глубокая решимость, которые я наблюдала в Тэмсин, заработали на полную мощность, и она отдавала каждому испытанию все силы. А вечером, возвращаясь в нашу спальню, она отчаянно боролась с усталостью, но продолжала сидеть за учебниками.

На третий день, после того, как все проверки закончились, мы чувствовали себя донельзя измотанными. Даже те, кто не занимались столько, сколько Тэмсин, едва не падали от усталости. Мы похудели и осунулись, и я была рада рухнуть на кровать сразу же после ужина. Ни мои соседки, ни я почти ни о чем не разговаривали, предпочтя со вздохом облегчения погрузиться в сон.

А затем наступило долгожданное утро. Отдохнув и избавившись от экзаменов, мы вдруг осознали истину: мы справились. Мы добились своей цели, присоединившись к Блистательному Двору. Мы еще не знали своих результатов, но успех уже вскружил наши головы. Мистрис Мастерсон предоставила нам полную свободу, запланировав первое торжество на вечер, в честь дня Вайиля – главного зимнего праздника.

Правда, чуть позже всем девушкам дали различные поручения по подготовке к праздничному приему: впрочем, мы были не прочь применить свои навыки, приобретенные в поте лица.

– Обожаю день Вайиля! – тараторила Тэмсин, когда мы переодевались в будничные платья. – Еда! Ароматы! Украшения! Обидно, что мы делаем все на скорую руку.

Так и было. Обычно зимние торжества начинались за несколько недель до святого дня, посвященного ангелу мудрости, так что радостная атмосфера распространялась почти на целый месяц.

– Если бы Джаспер не изменил расписание, то празднование не отодвинули бы в сторону ради какой-то денежной выручки мистера Торна, – напомнила я подруге.

– Зато у нас хоть что-то будет! – заявила Тэмсин, тряхнув головой. – Ты ведь видела несчастных еретиков Уроса: босые святоши вечно ходят в трауре и твердят, что это идолопоклонство. Но, наверное, лучше вообще ничего не делать, чем творить те ужасы, которыми славятся аланзаны! Кому захочется поклоняться деревьям в такую погоду?

– Среди деревьев, – уточнила Мира. – День Вайиля для них – середина зимы и самая длинная ночь в году. Аланзаны молятся на улице Динзиль о прозрении, а на рассвете благодарят Аланзилю за возвращение солнца и за то, что дни становятся длиннее.

Я с любопытством посмотрела на Миру. Ей редко удавалось поставить меня в тупик и похвастаться своими познаниями... но, похоже, она и впрямь сталкивалась с настоящими аланзанами. Ее верования входили в число многих вещей, в которые я не вдавалась. Мира посещала с нами правоверные службы Уросу, а остальное значение не имело.

– Какая разница, чему они поклоняются! Глупые языческие суеверия! – пробормотала Тэмсин, повернувшись к зеркалу. Она с довольным видом улыбнулась своему отражению и направилась к двери. – Ладно, девочки, нужно браться за дело. Жду не дождусь, когда это за нас будут делать другие.

Большинству девушек, в том числе и Тэмсин, пришлось хозяйничать на кухне: как-никак мистрис Мастерсон собиралась закатить в «Голубом ключе» настоящее пиршество! Другие выпускницы отвечали за музыкальное сопровождение и прочие развлечения, я же должна была заниматься украшениями вместе с Кларой. Какое невезение! Мы с ней поладили, разделив особняк таким образом, чтобы не сталкиваться друг с дружкой.

Когда я добралась до гостиной, я едва не остолбенела, обнаружив там Седрика с Мирой. Они о чем-то оживленно переговаривались между собой.

Во время наших экзаменов Седрик не показывался.

– Вы выглядите весьма респектабельно. Похоже, вы снова стали настоящим адоритцем, – отметила я.

Седрик был одет примерно так же, как и в день нашей первой встречи. В неофициальной обстановке он предпочитал осфридский стиль, а сегодня его камзол из плотной синей ткани с золотой отделкой доходил почти до колен – в Осфро их было принято шить поко-

роче. Сапоги у него тоже оказались выше, чем диктовала нынешняя мода. Седрик выглядел хорошо. Хотя нет... Он был ослепителен.

Однако я прикусила язык. Незачем расточать ему комплименты – можно лишь слегка похвалить.

– Вы словно прошли краткий курс в школе светских манер.

– Кое-кому, может, и непросто одеваться самим, но у меня такой проблемы никогда не возникало, – парировал он. – Мы отправимся в плавание через месяц, и я решил, что надо одеваться соответствующим образом. Нам с отцом необходимо выглядеть почти – хоть и не совсем – так же великолепно, как вам, барышни. Ну а мы должны демонстрировать, что мы – серьезные деловые люди. Главное – произвести впечатление. По крайней мере, так утверждает мой дядя.

В последние месяцы я редко вспоминала о злобных обвинениях Клары в адрес Седрика и Миры. Но, застав их в гостиной, я не сумела сдержаться.

– Почему вы отвлекаете Миру от работы? – спросила я Седрика небрежным тоном.

Мира обменялась с ним многозначительной улыбкой.

– Седрик рассказывает мне об игре, которую называют «Гадальные кости». Мистрис Мастерсон поручила мне развлечения, а я не знаю осфридских забав.

– Гадальные кости? – переспросила я. – В них режутся мальчишки, конюхи и посыльные.

Под пристальным взглядом Седрика я покраснела.

– В нее играют и другие люди, – поправил меня Седрик. – Выпускницы «Голубого ключа» буквально росли с нею. Но представители высшего света действительно презируют кости. Разумно, что вы настолько дальновидны. Однако я уверен, что сегодня вечером нам всем можно будет немного расслабиться.

– Да, конечно, – согласилась я. Я давно не делала настолько серьезных ошибок. – Но где вы возьмете игральные кости? Неужели они найдутся у мистрис Мастерсон?

– Разумеется! Нэнси Мастерсон способна к бунтарству, которого мы не подозреваем.

Седрик добродушно усмехнулся, но я сразу же напряглась. В нем ощущалось нечто необычное. Я не могла бы толком сказать, что именно, но он казался почти подавленным. Как странно! Что с ним творится? Седрик всегда выглядел самоуверенным и непробиваемым...

– Вы меня звали?

Мистрис Мастерсон возникла на пороге гостиной. Вероятно, в этот момент она как раз проходила по коридору.

– О нет! – воскликнул Седрик. Мы с Мирой с трудом сдержали смех. – Аделаида просто сообщила нам о том, как собирается украсить гостиную, и выразила надежду, что вы одобрите ее план.

Мистрис Мастерсон вопросительно уставилась на меня. Мне захотелось обжечь Седрика гневным взглядом за то, что он перевел разговор на меня. Но я сосредоточилась и сразу же придумала, о чем говорить.

– Э... свечи на подоконниках и синие с золотой окантовкой салфетки на столы. А если передвинуть диван вон туда, то получится уютный укромный уголок. И еще нужно принести пряные благовония.

Мистрис Мастерсон медленно кивнула.

– Отличная идея, милая!

– И остролист! – внезапно вспомнила я, покосившись на каминную полку. – Надо нарезать остролиста и связать его в пучки! Мы всегда так делали для зимних приемов в столице.

– Замечательно, – подтвердила мистрис Мастерсон. – Я была настолько занята, что совсем забыла про остролист. Но теперь за ним идти поздно: солнце сядет уже через час. – Она кивнула на потемневшее окно и, видя мое разочарованное лицо, добавила: – Не огор-

чайтесь. Клара позаботилась о том, чтобы нарезать плюща на гирлянды. Это почти так же нарядно.

Находчивость Клары только ухудшила дело. Похоже, эта девица меня обошла.

Мистрис Мастерсон удалилась. Мира посмотрела на окно, а затем обратилась к Седрику:

– А вы хотели что-то сделать, не правда ли?

– Да... и как можно скорее, – произнес Седрик.

Однако он не сдвинулся с места, так что Мира сказала:

– У вас будет масса времени до вечера, а сейчас и у нас забот хватает, поэтому...

– Да-да. – Его лучезарная улыбка вернулась, но показалась мне натянутой и только подтвердила уже сложившееся у меня впечатление. – Итак, барышни, мне пора.

Седрик встал и двинулся к двери, но задержался возле меня.

– Возьмите.

Я улыбнулась: он вложил мне в руку набор костей.

– Естественно, у вас нашлись кости!

– Запасные. Мы в университете постоянно играем.

– А вы преуспели? – поинтересовалась я. – Впрочем, не отвечайте. Конечно же, да – ведь в этой игре нужно угадывать мысли людей и манипулировать собеседниками.

– Совершенно верно, – согласился он. – Уверен, вам бы это тоже легко далось.

Несмотря на шутку, он все равно выглядел взвинченным.

– Он как-то странно себя ведет, – призналась я Мире, когда Седрик прикрыл за собой дверь.

– Я недостаточно хорошо с ним знакома, чтобы понять, что у него на уме.

– Разве? – подчеркнуто удивилась я.

С выражением полной невинности на лице Мира покачала головой.

– Думаю, не стоит за него волноваться. Помочь тебе передвинуть диван? У меня куча дел, но я могу уделить тебе несколько минут.

Мы с ней перетаскивали диван через комнату, удивившись его тяжести.

– Начинаю соглашаться с Тэмсин, – выдохнула я. – Хорошо иметь толпу слуг, которые выполняли бы за нас черную работу.

Мира рассмеялась.

– Посмотрим. Но вряд ли мои баллы помогут мне заполучить мужа хотя бы с одним слугой, что уж говорить о толпе.

– В отличие от Тэмсин, – подытожила я.

– В отличие от Тэмсин, – повторила Мира, продолжая смеяться. Внезапно она посерьезнела. – Но я надеюсь, что сдала экзамены хорошо и могу претендовать... впрочем, не знаю на что... На свой собственный выбор. Или на человека, которого я буду уважать.

– Ты еще хочешь расплатиться за обучение и выкупить себя?

Мира принялась приводить диванные подушки в порядок.

– Насчет денег, упомянутых в контракте, Тэмсин права. Мне понадобился бы приработок, но, наверное, просить об этом бесполезно.

– Ага. Джаспер такое желание сразу осудит! Ладно, неважно! Полагаю, у тебя будет возможность выбирать из сотни потрясающих женихов. А если тебя тревожат твои оценки, то экзамены всегда можно пересдать.

– Точно! Это было очень весело! – с иронией произнесла Мира. Она попятилась и встала рядом со мной, оценивая результат перестановки дивана на другое место. – Тебе больше ничего не надо, пока я не ушла?

– Только если сможешь материализовать немного остролиста, – сказала я с грустью. – Без него атмосферы зимнего праздника нет.

– Мне этого не понять: в Сирминике он не растет. Но, по-моему, комната вполне нарядная и без него.

Мира ушла, а мной овладело уныние, словно я обязана была позаботиться о пучках остролиста ради настоящего осфридского торжества.

Когда я закончила украшать гостиную и продемонстрировала ее мистрис Мастерсон, домоправительница отпустила меня. Поднявшись по винтовой лестнице в спальню, я не обнаружила в комнате ни Тэмсин, ни Миры. Отдохнув, я облачилась в свое лучшее платье – пышную юбку из небесно-голубой парчи усеивали розовые цветочки. Нежно-палевая сорочка, как и положено, выглядывала из прорезей в рукавах и из-под выреза корсажа на китовом усе. Зашнуровывая лиф, я подумала о том, каково будет переходить на адорийские фасоны. Кажется, адорийские модницы не любили пышные юбки: их наряды были более практичными, а корсажи – не столь жесткими.

Я спустилась вниз, собираясь кому-нибудь помочь. Никому я не понадобилась, а Седрик исчез (мне вроде как хотелось похвастаться ему, что я смогла зашнуровать платье меньше чем за минуту). Я опять проверила все комнаты особняка, украшенные мной к празднику, и не нашла в них изъянов... если не считать отсутствия остролиста. Быстрый взгляд на часы подсказал мне, что до трапезы остался целый час, – и я приняла спонтанное решение.

Я сменила изящные вечерние туфельки на теплые ботинки и закуталась в шерстяной плащ. Однако я оказалась не готова к волне морозного воздуха, которая обрушилась на меня, когда я вышла через черный ход во двор. На мгновение я испугалась, но потом бросилась вперед, не обращая внимания на облачка пара, которые вырывались у меня изо рта.

Несомненно, мистрис Мастерсон прошла бы насчет того, что я разгуливаю по «Голубому ключу» одна, да и моя бабушка бы к ней присоединилась. Однако за время нашего пребывания в «Голубом ключе» я успела изучить территорию поместья досконально: для девушек часто устраивали пикники на свежем воздухе. В «Голубом ключе» можно было ничего не бояться. Тут не рыскали хищники, а располагалось поместье в уединенной местности, так что сюда не заходили бездомные бродяги. Единственным живым существом, которого я могла встретить, был добродушный старичок-смотритель.

Сегодня был самый короткий день в году, поэтому сумерки наступили быстро. На западе догорали последние закатные лучи, а на востоке высыпали сверкающие звезды. Луна выкатилась из-за горизонта, а дорогу к зарослям остролиста я помнила и уверенно зашагала по тропе.

Увы, самым главным препятствием стал холод: я жалела, что не захватила перчаток. Тонкий слой снега хрустел у меня под ногами.

Я нашла остролист именно в том месте, которое запомнила, – в дальней части поместья. Здесь парковые посадки переходили в дикий лес, который прежде рос повсюду. Мистрис Мастерсон рассказывала нам, что при строительстве особняка рабочие сперва вырубili дикие корявые деревья, заменив их декоративными растениями и кустарниками. Потом за дело взялись садовники, которые засеяли территорию газонной травой и разбили возле особняка клумбы. Так было принято делать во всех поместьях, и лесов в Осфриде оставалось мало.

Мне хватило соображения прихватить с собой нож, и я принялась срезать ветки остролиста. К сожалению, я знала, что мне не удастся сплести праздничные венки, но я утешила себя мыслью, что составлю изысканные композиции для каминных досок и наверняка превзойду Кларин плющ. Я уже почти закончила, когда краем взгляда поймала нечто необычное.

Сначала я решила, что зрение меня обманывает и мне все померещилось. Лунный свет отражался от снега, звезды сверкали на небосклоне... Прищурившись, я пыталась понять, не было ли увиденное просто еще одним отблеском. Но нет: это был не бледный серебристый свет, идущий от луны или от сугробов, а теплое золотистое сияние пламени.

Он лился откуда-то из глубины леса, от купы орешника и дубов. Я тихо направилась на разведку. Кто же там прятался? «Вероятно, я просто-напросто столкнусь со зрителем, – подумал я. – А если я ошибаюсь и увижу незваного гостя, то я улизну и сообщу мистрис Мастерсон о нарушении границ частного владения».

Я понимала, что мистрис Мастерсон и моя бабушка много чего смогли бы сказать относительно моих соображений, но меня это вообще не волновало.

Крепко сжимая ветки остролиста и нож, я кралась дальше, прячась в тенях и за стволами деревьев. Приблизившись, я разглядела, что на самом деле огней двенадцать. Я затаила дыхание: на поляне, окруженной мощными дубами, были расставлены крошечные фонарики-свечки, которые образовывали форму звезды. В самом ее центре стоял мужчина в развевающемся алом пальто. Он опустился на колени лицом к восточному лучу фигуры и, низко склонившись, прошептал какие-то слова (их я не смогла разобрать). Потом он преклонил колени перед южным лучом и повторил то же действие.

Я буквально заледенела от ужаса: наконец-то я поняла, чему стала свидетелем. Днем я отмахнулась от шуточных слов Тэмсин относительно аланзан и Средизимья, но здесь, прямо передо мной, оказался еретик, проводящий в ночи мрачный ритуал. Пусть я знала про эту веру гораздо меньше, чем Мира, но в Осфро слышала уже достаточно шепотков про аланзанскую звезду с двенадцатью лучами. Она олицетворяла для аланзан двенадцать ангелов: шесть светлых и столько же темных.

«Еретик в поместье!»

Мне нужно вернуться в дом и рассказать все мистрис Мастерсон!

Я начала отступать, но в этот миг мужчина повернулся к северному лучу... в мою сторону. На его лицо упал свет, обнаруживая знакомые мне черты, которые я видела меньше часа назад. Черты, которые я слишком любила вспоминать.

Седрик.

Глава 8

Потрясенная, я выронила остролист, попыталась его подхватить, но опоздала, и ветки упали прямо на снег. Я опешила. Что мне делать: я произвела столько шума, и Седрик наверняка заметил мое присутствие!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.